

ОЛЬГА ОНИЩЕНКО

СВЕКРОВЬ

Ольга Онищенко

Свекровь

«Издательские решения»

Онищенко О.

Свекровь / О. Онищенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503507-3

Роман о любви и нелюбви. История жизни, в которой многие могут узнать себя. Все, что написано в этой книге, где-то когда-то происходило. Земные человеческие характеры, ищущие, в конечном итоге, одного — любви. Может ли человек принять любовь? Может ли отдать? Как жить, не теряя главного? Как сохранить ценное? Как потерять всё? Все это на страницах этой книги.

ISBN 978-5-00-503507-3

© Онищенко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	49
Глава 18	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Свекровь

Ольга Онищенко

Фотограф Вячеслав Онищенко

© Ольга Онищенко, 2019

© Вячеслав Онищенко, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-3507-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
свеКРОВЬ

Свекровь – мать мужа
(толковый словарь)

Глава 1

Поля увидела свою будущую свекровь первый раз в пятом классе. На перемене, в кабинете математике, она болтала с девчонками, и вдруг кто-то забежал в класс и крикнул: « Там мама Лищенко пришла. Вся такая...!»

«Какая?» – щелкнуло любопытство, и ноги прямо-таки сами побежали из класса. Очнулась сразу же. Как только увидела... Аллу Пугачеву. Только ту, что увидела, была повыше, и покрасивее... И вообще... Необыкновенная. Она одета была в джинсовый сарафан, какой-то очень модный красный батник. Таких в 1980 году в магазинах не продавали. Что там в магазинах! В журналах «Работница», «Крестьянка» таких нарядов в помине не было. Да, вообще, Поля первый раз увидела такую разодетую и красивую женщину. Копна волос была правда, как у Пугачевой. Только... Только лучше. По бокам невидимками волосы были прибраны.

Рядом с ней стоял мужчина, очень высокий, с необычной внешностью, интересный разрез глаз, лопухие уши, казалось, что он должен быть некрасивым, но... Нет. Просто необычная внешность. Запоминающаяся. На самом деле, эта пара очень здорово смотрелась. Поля спряталась в классе и, приоткрыв дверь, подглядывала за этой невероятной женщиной, и кто-то из одноклассниц шептал ей в ухо:

– Ничего себе, вот это тётенька! Чья это мама?!

– Та, это ж Лищенко!

Поля не могла поверить, что у какого-то Лищенко, такая мама!

– Не может быть, – тихо сопротивлялась девочка, это какая-то заграничная актриса!

– Да? И что она здесь делает?

– Не знаю, глянь, как она улыбается!

– Ага. Вот это мама у Лищенко, в жизни не подумала б.

– Может все-таки не его?

Девчонки так ломились в щелочку приоткрытой двери посмотреть, что несколько раз чуть не вывалились толпой в коридор. Вдруг, к этой женщине подошёл Лищенко Севка. Как – то он стоял перед ней очень напряжённо, отойдя подальше от мужчины. Мама с высоты своего роста, что-то говорила сыну, улыбка стала немножко другой, не той, что была несколько мгновений назад, сделалась какой-то неприятной. Мужчина стоял равнодушно смотрел на этот разговор и по сторонам.

– А это, что папа Лищенко?

– Ты что! У него нет папы! Это вроде отчим...

– Даааа? – тихо и с сочувствием прошептала Поля.

Ей стало почему-то жалко одноклассника. На него она вообще никогда раньше не обращала внимания. Что он есть, что его нет. Она как будто сейчас только осознала, что оказывается он, учится с ней в одном классе. У Севки был друг, с которым они были «не разлей вода». Это, в общем-то, и все, что могла Поля про него вспомнить. Ах, да. Несколько раз, когда она сидела впереди Лищенко, то в конце диктанта или сочинения, Поля уже не помнила, он стучал по ее стулу ногой и шептал:

– Поляковааа, Поляковааа...

И когда Поля к нему поворачивалась, он её просил:

– Проверь ошибки...

Почему-то она ему помогала. Даже не знает почему. Карандашиком зачеркивала, и рядышком писала правильный ответ. Потом, чтоб не видела учительница, тайком передавала ему тетрадку. И он уже исправлял ручкой. Пятерок он потом не получал, но зато твёрдые четвёрки были его. Слабоват он был по русскому. Однако по истории ему не было равных в классе.

Вот и все, что Поля знала про одноклассника. Видимо, ещё не успела. Потому что училась в этом классе только второй год.

Прозвенел звонок. Начался урок математики. Мысли унесли Полю далеко от джинсового сарафана, красивой женщины, похожей на Аллу Пугачеву, в мир скобок, плюсов, минусов, задач. Но почему-то на всю жизнь врезался ей этот случай в память.

Глава 2

Поля отчего-то часто вспоминала эту встречу. Может потому, что... В пятом классе, как-то на уроке русского языка, соседке по парте прилетела записка. Ирка её схватила, быстренько развернула, и вдруг довольная залилась румянцем. Сунула Поле записку и шепнула: «Прочти». Поля прочитала. Там было написано: «Ира, я тебя люблю!».

У Поли внутри все заколыхалось.

– Нифигасе, а кто это написал?

Ирка глазами показала на парту рядом с ней, через проход. Там сидел Цирков Вовка и Лищенко.

Цирков стал красный и довольный, немного смущенный. Лищенко, слегка развалившись, наблюдал за происходящим с интересом, поглядывая на девчонок.

– Цирков?

Ирка глазами согласилась.

– Что здесь за оживление, Полякова? Сейчас дневник заберу.

Голос учительницы Полю привёл в чувства. А Ирка Ветелина не смущалась. Она всегда была в центре внимания. Отличница, председатель совета отряда. Дружить с ней хотели многие, и девчонки, и некоторые мальчики. Сказать, что красавица... Нет вроде, обычная. Но что-то в ней было, то, что всех к ней притягивало. Родители Поли часто ставили Ирку в пример. Все время она была у них на языке. Вот Ира – то, Ира – это. Поля всегда чувствовала, что не дотягивала до Ирки, хотя, и были подруги и, как-то даже смирилась, что она на вторых ролях после Ветелиной. Поля была уверена, что и не дотянет никогда до Ирки.

Вдруг Ветелина написала что-то в записке и кинула мальчишкам назад, тут же, как ни в чем не бывало, подняла руку, чтобы отвечать у доски. Но, её не вызвали. Через минуту записка вернулась назад. Ирка схватила её с нетерпением и стала разворачивать. Прочла ответ, усмехнулась и протянула Поле.

Иркиным почерком было написано: «А кого любит твой сосед по парте?» и ответ: «Мой сосед любит твою соседку». У Поли перехватило в горле. Что? Лищенко любит её? Её, Полю? Этого не может быть. Она ж не такая, как Ирка. И не отличница даже. И не председатель совета отряда. Потом, когда Поля станет взрослой, ей будет смешно, от этих мыслей пятиклассницы. Но почему-то в этот момент, Поля вспомнила ту красивую модную женщину, в джинсовом сарафане, мать Лищенко. Почему? Она этого понять тогда не могла.

Всю свою жизнь она помнила самый первый раз, когда увидела будущую свекровь. Потому что... Все будет дальше... Все только начиналось.

Вечером Поля хвасталась родителям и хохотала.

– Представляете, а Лищенко написал, что любит соседку по парте, Иркину, а соседка-то я!

Своим смехом, конечно, она прикрывала смущение. Но это чувство, что и она достойна, что и её могут полюбить, Поле очень нравилось. Хотя все-таки не верилось.

Папа, улыбаясь, сказал:

– Смотри, ещё станешь Лищенко вместо Поляковой!

– Что? Ты что, пап, что я дура какая-то?

Глава 3

Поля лежала на кровати и мечтала. О чем мечтают девчонки в пятнадцать лет? Конечно, о большой и светлой любви. Недавно только начался учебный год и столько новостей обрушилось. Оказывается, уже все почти распределились по парочкам, у многих девчонок уже кто-то был. Даже погулять пойти не с кем. Все по своим свиданьям разбрелись. Ирка тоже испортила Поле лето. Все каникулы подруга уже встречалась с мальчиком из класса на год старше. Смотрелись они, конечно, не очень. Она высокая, статная, видная. А он хоть и был с ней почти одного роста, но казался рядом цыпленком. Хотя человек он хороший.

«О чем я думаю? Завидую, что ли? У всех любовь, а мне даже погулять не с кем. Одна Радеева осталась ни с кем. Но с ней как-то и гулять не хочется особо, она брехливая такая, что ни слово, то вранье. Думает, мы все такие дураки и верим ей. Однажды она придумала, что встречается с курсантом ракетного училища. Мы, конечно, ей не поверили. Чтобы доказать, что это правда, она нам начала сказочные небылицы плести. Будто этот курсант, такой высокий, что однажды посадил ее на крышу телефонной будки. Зачем спрашиваем? Она растерялась, потом объяснила, что шутки у него такие. А вообще-то ее кто-то видел издали с курсантом. Думали, ну Радеева за ум взялась, врать перестала. Только странно, почему нас с ним не знакомит. Потом мы с ним все-таки случайно увиделись. Оказалось, это ее двоюродный брат. Но Радеевой наврать, что меду поест. Что же делать? Так хочется погулять, а не с кем».

Размышления Поли прервал вошедший в комнату папа.

– Чего лежишь? Килограммы собираешь? Шла б хоть с кем погуляла.

– С кем? Все заняты. У всех любоффффф, – недовольная Поля стала немножко злиться. Килограммы – это вообще ее больная тема. Поест она любила. И все время хотелось чего-то вкусенького. Не успевала поужинать и выйти с кухни, как опять думала, чтоб съесть. Нет, толстой она не была, но комплексы имелись, когда про нее кто-то говорил, что она «кровь с молоком». «Наверное, поэтому и нет у меня никого, надо меньше хлеба трескать». Она росла, а в этом возрасте всегда всем хотелось есть, но самокопание и выискивание в себе чего-то не того – это был ее конек.

– Уже тоже нашла б себе парня, и гуляла. А то так и прокиснуть можно, дома. Чего ты, что ли хуже остальных? – сказал папа, почесал майку, и пошел на диван.

Как молнией ударили эти слова Полю. «Я хуже всех? Что уже это так заметно? Даже папа уже говорит об этом. Ну, где? Где мне найти хоть кого-нибудь, чтобы всем нос утереть. Я не хуже всех».

Слезы наворачивались у нее на глаза. Поля вскочила, быстро натянула джинсы и футболку и выскочила из квартиры под раздающиеся звуки программы «Время».

Выбежав на улицу, девочка подумала: «Куда я, что я буду делать одна на улице? Ладно, пойду к Ветелиной Ирке. Вдруг она со своим сегодня не гуляет. А нет, так хоть сама пройдусь». К Ирке было идти недалеко. У них вообще все находилось в двух шагах, как говорится. Школа, парк, рынок, Дом быта, цирк. Далеко только в садик за сестрой ездить, и Поля терпеть не могла этих поездок. В трамвае казалось, едешь целую вечность. На обратном пути, «почемучка» – сестра все время мучала ее всякими вопросами. Но зато не было скучно.

Ирка жила через дом, в пятиэтажке, на пятом этаже. Проходя по соседнему двору, Поля увидела нескольких своих одноклассников, причем тех, кто жил от школы далеко. Это был Ролич, Пиков, Лищенко и еще кто-то.

«Тю, чего это они тут ошиваются?» – подумала девочка. Пацаны полулежа, полусидя, дурачились, скидывая друг друга с лавочки. Увидев, Полю, замолчали, и проводили ее взглядом. Поля напряглась, стала придумывать себе, все ли на ней нормально? Вроде, да. Чего им надо?

Этот Лищенко два раза как-то странно появлялся во время ее каникул. Однажды, когда папа пришел с работы и, Поля ему открыла дверь, заметила, что два каких-то пацана, громко смеясь, побежали на этаж выше. Ей тогда показалось, что это был Лищенко. Она еще подумала: «Интересно, что он тут делает, он же живет где-то в районе комбината с бабушкой. Может, показалось?». Второй раз этот Лищенко и Пиков приходили летом. Именно к ней. В тот день она смотрела любимый фильм по телеку, вдруг звонок. Открыв дверь, сразу покраснела и испугалась. Перед ней стоял Лищенко и Пиков. И было видно, что тоже растерялись. Пиков начал смеяться, а Лищенко, улыбнувшись, сказал:

– Стаканчик не дашь?

– Чтооо? – выпучив глаза на него, спросила Поля.

– Попить хочется. Стаканчик... воды, – и улыбнулся.

Ни стаканчик, ни воды Поля давать ему не хотела, она чувствовала какой-то подвох. Но... это ведь странно, не дать человеку воды. Она закрыла дверь, оставив гостей на лестнице, пошла на кухню, налила воды и вынесла одноклассникам. Чувствовалось, что вода в Лищенко не лезет. Он ее еле выпил, несколько раз предлагая Пикову. Все это было так странно. Конечно, Поля помнила записку в пятом классе. Но она уже давно поняла, что, скорее всего, та записка была шуткой.

Поля подходила всегда к Иркиному подъезду, становилась под балконом и, прокашлявшись и, набрав воздух в легкие, кричала:

– Ираааа!

Помолчав минуту, глядя по сторонам, потому что, на первом этаже был продуктовый магазин и двор этого магазина, был Иркиным двором. И еще ларек по приему бутылок. Куча алкоголиков собиралось под каждым углом. А Поля их побаивалась. Она вообще-то не из смелого десятка была. Вот почему, например, она всегда сначала Ирку звала с улицы? Да потому что на первом этаже в подъезде не было ни квартир, из-за магазина, ни света, неизвестно почему всегда разбитая лампочка. И место сборищ подозрительных лиц тоже было у Ирки в подъезде. Да и на пятый этаж зря подниматься никогда не хотелось. Ирка вообще была занятой очень человек, всякие там сольфеджио, уроки музыки и еще чего-то. А еще у нее была очень злая собака Пушка, которую Поля вообще терпеть не могла. Псина никогда не сдерживала своих эмоций. Ирка закрывала Пушку в комнате, Поля быстро разувалась и бежала на диван в другую комнату. После чего, Ирка отпускала на волю злющее животное. Пушка выбегала, обязательно облаивала Полю, показывая всем видом, что сейчас укусит. Но не кусала, а пряталась под диван и следила за ногами Поли. Девочка сидела всегда не двигаясь. Если вдруг, хоть одна нога меняла дислокацию, под диваном раздавалось жуткое рычание. И так было всегда.

– Ираааа!

Вдруг Иркина голова выглянула с балкона пятого этажа.

– Заходи!

Поля вдохнула чистого воздуха, подошла к подъезду, ногой открыла дверь и с криком: «А ну выходи, я каратистка!», прислушалась, есть ли кто в подъезде. Запах был ужасный, но в ответ было тихо. Тогда Поля, сгруппировавшись, влетела в подъезд и, прыгая через две ступеньки, бегом помчалась на пятый этаж. Это мера предосторожности была на случай, если все-таки какой-нибудь алкаш спрячется у подвала и побежит за Полей. Но никто не бежал. На третьем этаже у нее закололо в бок. Задыхаясь, она, наконец, нажала кнопку звонка. И за дверью послышался залиvistый лай Иркиной собаки.

Глава 4

Рина осталась без матери в семь лет. Мама умерла от какой-то страшной болезни, от какой она не знала, но всю жизнь думала, что врачи отравили маму хинной, потому что сказали выпить двадцать восемь бутылочек этой горькой жижи и придет выздоровление. Пришло горе вместо выздоровления в семью, где осталось трое детей.

Старший брат Владимир, младшая сестра Надя. Рина была средней, и на ее детские плечи легли заботы о семействе. Чужая бабка приходила иногда по хозяйству помочь, но основное на Рине. И деньги тоже.

Была у девочки страшная слабость. Очень любила халву. Просто до трясушки, до самозабвения. Но дороговато стоило, поэтому, чтобы на троих детей и папу поделить, халвы оставалось всем по маленькому кусочку. Рина решила, что брат с сестрой обойдутся. А она хозяйка, потому что своя рука владыка, деньги у нее, и кто ей сможет помешать? Девочка покупала халву в магазине тайком, прятала ее, а потом, когда никого не было, спускалась в подвал, садилась на ящик с картошкой и медленно смаковала сладкое лакомство. И все бы было хорошо, если бы как-то раз брат не увидел вокруг рта Рины липкий серый налет. Он проследил за сестрой и обнаружил тайник. Ох, и досталось Рине от брата, надавал он ей тумачков, приговаривая: «Крысятничать еще будешь? Будешь, спрашиваю?»

Выросла Рина самостоятельной, пронырливой, экономной, ушлой, а самое главное очень расчетливой. К слабостям прибавилось мороженое. За халву и мороженое могла душу продать, поэтому после школы поставила отцу ультиматум:

– Еду учиться в Волоколамск, в техникум молочной промышленности.

«Вот где мороженого наемся вволю. И делиться ни с кем не надо будет», – мечтала она.

Отца дети любили. Но видели редко. Он был мастером вагонного депо на железной дороге. Служба ненормированная, поэтому редко бывал дома, и особо не знал, что с детьми делать. Ну, и если за мать в семье была Рина, то за отца – старший брат Володя. Отец молча глянул на сына. Володя, который тоже уезжал учиться в Москву на инженера, махнул головой, что мол, можно Рине ехать, присмотрю.

Так Рина оказалась в молочном техникуме. Сразу же за ней стал ухаживать красивый парень, звали его Илья. Ох, уж он ее обхаживал! Цветы дарил, халву покупал, но сердце девушки было занято подсчетами, где ж повыгоднее партию найти. Так что бы при деньгах. Надо ж было самой жить на что-то, да еще и младшую сестру под крыло взять. Надя тоже на следующий год оканчивала школу, и Рина планировала к себе в техникум ее пристроить.

Однажды, Илья на свиданье пришел, не только с цветами и халвой, но и с предложением руки и сердца. Рина прикинула в уме, что раз он ее сильно любит, и уже работает на производстве, зарплата опять же неплохая у него, то можно будет выдать побольше денег из молодого мужа. И согласилась выйти замуж при одном условии. Жить они будут в разных общежитиях, как и живут, пока Рина не окончит техникум. Ей только детей сейчас не хватало. Нужно Надю поднимать, мужа бы ей найти, тоже с кошельком.

Илья был без ума от своей любимой Рины и согласился на все условия. Свадебку сыграли тихую, рабочую, вскладчину. Кто чем был богат, сложили на стол, потанцевали под патефон, и разошлись молодые по разным общежитиям. Семейная жизнь очень устраивала Рину. У нее появилась зарплата мужа, сестра приехала и поступила в техникум, и все бы ничего. Только после долгих насмешек и издёвок рабочих на заводе над такой семьей, у Ильи лопнуло терпение. Молодой муж пришел, слегка выпивши к жене в общежитие и, теперь он поставил ультиматум. Либо сегодня же она переезжает к нему в комнату, которую он выбил для семьи, либо Рина лишается его кошелька.

Аргумент был весомый, и как Рина не противилась, пришлось согласиться и принести себя в жертву ради семьи, Нади, денег и лечь, наконец, с мужем в одну постель. Так через много месяцев после свадьбы свершилась долгожданная для Ильи первая брачная ночь. И, конечно, через несколько недель Рина поняла, что беременна. По срокам, должна была родить в октябре 1941 года. А в июне началась война. Техникум расформировали и эвакуировали, Надя уехала в эвакуацию доучиваться, в первых рядах ушел на войну Илья. Больше никогда Рина с мужем не увиделась. Но сильно и не жалела. Ей бы разобраться с дипломом и с родами. Диплом получила вовремя и устроилась на работу. В октябре немец подошел к Москве близко, и когда шла полным ходом эвакуация, Рине приспичило рожать. Родилась девочка, черноволосая как галка, так ее и назвала Рина.

После родов молодая мама отступала по Волоколамскому шоссе прямо по линии фронта, снаряды рвались вокруг нее. Она, прижав девочку к себе, склонившись над ней, укрывая собственным телом, шла домой, к папе. В товарняке голубая жилка на шейке девочки уже перестала биться. Рина решила приехать домой и похоронить дочку по-человечески. Соседи по вагону пытались уговорить Рину выбросить по ходу поезда умершего ребенка, как это делали все тогда. Но Рина никому ее не отдавала и коршуном защищала бедное дитя. На перекладных она добралась домой, и когда завшивленная, уставшая и грязная вошла в родной дом и отдала отцу дочку со словами: «Надо похоронить», рухнула без сил в беззвучных рыданиях. Отец очень обрадовался возвращению живой дочери. Но внучка? Неужели не придется понанчиться? Он положил девочку на кровать, развернул грязные и заскорузлые пеленки. И ребенок тихо, как котенок, заплакал: «Умяю, увяю».

– Рина!!! Она живая!

Слезы хлынули потоком из глаз Риной, это была и радость от неожиданно свалившегося на нее счастья, и горечь пережитого страха при отступлении, и обида на тех, кто хотел выбросить, оказывается, живую, но очень ослабевшую девочку, и бесконечная материнская благодарность Богу, за спасение ребенка.

Позже было опять отступление от фашистов уже из родного дома. Когда немец наступал на ее город, Рина Саввична заведовала молочным заводом, была мастером и технологом в одном лице. Уже зная все тяготы и лишения кочевой прифронтовой жизни, девушка основательно подготовилась. На подводу, собрав нехитрые пожитки, распорядилась погрузить мешок сахара и мешок манки, которые выменяла на самогон. Самогон появился у нее тоже путем обмена в свою очередь на пахту и обрат.

Несколько недель, на подводе, вместе с семьей бухгалтера, отступали днем, а ночью просились на ночлег или ночевали в брошенных хатах. Однажды, они остановились на ночлег у добрых людей. Хозяин, конечно, увидел главное богатство поселенцев – сахар и манку.

Ночью Рине не спалось, как она ни старалась заснуть. Вдруг, она услышала разговор хозяйина дома со своим братом. Они решали, кто кого порешит. Мужчина взял топор, и его зловещая тень отразилась на стене. Рина очень испугалась, и, понимая, что их сейчас всех убьют, начала щипать пяточку дочки. Ребенок мирно посапывал, уснув в тепле и тишине, и не хотел просыпаться. Наконец девочка заплакала, и все шорохи исчезли. До утра уже Рина не сомкнула глаз от страха. Только первые лучи солнца появились из-за горизонта, разбудила своих попутчиков и начала собираться в путь. Но перед отъездом, щедро отсыпала манки и сахара хозяевам.

– А я чуть было не взял грех на душу, – признался глава дома, в котором Рина ночевала, – хотел за продукты порешить вас. Да девочка проснулась. Видно ангел-хранитель у вас сильный. Простите меня, ради Христа. У меня ведь тоже дети. Есть просят, а дать им нечего.

Рина с дочкой, папой и семьей бухгалтера отправились в путь. Следующей остановкой стал грузинский совхоз, в котором они от зари до зари работали за мандарины. Пережив в этом совхозе страшную эпидемию дизентерии, рабский труд, голод, выжив чудом, они узнали, что

шестимесячная оккупация Минеральных вод, родного города Рины закончилась освобождением наших войск. И, несмотря на январские морозы, решили возвращаться домой.

На родине Рина приняла молзавод под руководство. Были голодные годы. «Несунов» и тех, кто воровал, хоть колосок с поля, беспощадно наказывали. Кому расстрел по законам военного времени, кому лагеря. Работая на пищевом предприятии, Рина прекрасно понимала, что у всех дети и семьи голодают, поэтому рабочие будут воровать. И, чтобы сберечь людей, собрала всех и объявила:

– Воровать не дам. Но... Будем варить кашу на заводе, в большом чане для молока, крупу выменяем на самогон. Митрич переделает сыроварню под самогонный аппарат. Будем гнать, и менять на продукты. А вы свои семьи будете приводить сюда и кормить. Выносить с завода запрещаю. Кого поймаю – выгоню. И всем молчать, иначе сдохнем с голоду.

Так и выжили все сотрудники. Никто не украл ничего, и не предал Рину. Хотя для нее это было опасно. Жила она тогда вместе с папой в том же здании молзавода, но вход со двора.

Уже в мирное время, посватался к ней Иван Горбунков, казак и по характеру, и по происхождению, гуляка и дебошир. От него-то Рина и родила Альку, младшую дочку.

Алевтина Горбункова, попросту Алька, будущая свекровь Поли Поляковой, родилась в небольшом поселке. Она была младшая. Раскусила она это сразу и беспощадно пользовалась этим. Мама была мастером на молзаводе, пропадала день и ночь на работе.

Надо сказать Рину Саввичну и домой-то, особенно не тянуло. Муж пил, бил, откровенно гулял с бабами. Свекровь присматривала за детьми, и часто приговаривала: «А ты гордись мужем! Раз бабы любят, значит, хороший мужик достался». Гордиться было страшно, чаще всего Рина «гордилась» мужем на чердаке. Заберется туда, лестницу откинет и сидит, как мышка ни жива, ни мертва. Дочки, Алька и старшая Галька, рано утром приставят лестницу, она тихонько спустится и бегом к себе на молзавод. Дочек воспитывала бабка, улица, школа и комсомол.

Алька понимала, что она родная внучка бабке и родная дочка отцу. Бабка в ней души не чаяла и позволяла внучке все.

Ну, а Галька была чужой и старшей. Она помогала бабке по дому, была хозяйственная, умелая, могла и приготовить обед, и убрать за скотиной, и хлеб испечь. Галька никогда не слышала ни слова похвалы, никогда мать дочку не обнимала. Да и Рина была не из сентиментальных. У нее была задача всю жизнь обеспечить едой, одеждой и деньгами, а также вовремя вернуться от тумачов мужа. Тогда была сложная жизнь, и, чтобы прокормиться, надо было где-то смухлевать, и не попасться. И это получалось у Рины виртуозно. Крутила делами, где-то разбавляла сметану, где-то молоко, знания у нее были первоклассные, и предприимчивая жилка работала на отлично. Вскоре Рине надоело бояться заразиться от мужа всякими неприличными болезнями, к тому же это был бы для нее позор, так как работала она на пищевом предприятии. Каждый раз при прохождении медосмотра она тряслась от страха. Поэтому решила с мужем развестись. Да и толку от него никакого. Одно разорение, страх, синяки и унижение.

Поделила дом пополам, сделала себе отдельный вход, наняла барыг, которые поставили забор во дворе, и наконец-то, свободно вздохнула. Хотелось ей, конечно женского счастья. Но понимала она его по-своему. Муж должен хороший рубль домой приносить. А где такого взять? Дочки растут, скоро запросы тоже станут больше, она одна может их не потянуть. Пошла к гадалке, а та ей нагадала не того, чего хотелось молодой женщине. Сказала ведьма, что в пятьдесят шесть лет Рина может умереть, но все будет зависеть от нее самой. Забегая вперед, надо сказать, что когда Рине Саввичне исполнилось пятьдесят шесть, страх поработил ее полностью. Она старалась никуда ни ходить, ни ездить, только на работу и домой. Везде мерещились бандиты, хулиганы, боялась сильного ветра, любого дождя, снегопада, никогда не садилась в машину. И, наконец, этот год она пережила. Ругая последними словами гадалку, за то, что

напугала ее, неожиданно узнает, что бывший ее муж, Иван Горбунков, был найден под забором мертвый. Ему тогда было пятьдесят шесть лет. Решила Рина Саввична, что гадалка все-таки права, но только немного перепутала.

Возвращаясь к годам, когда Рина только рассталась с мужем, обрела свободу и задумалась о новом кошельке-муже. Надо сказать, что чуйка у нее была потрясающая. Несколько раз за жизнь, ей приходилось сниматься с места, бросать нажитой дом, и ехать в неизвестность, и все потому, что чувствовала «на хвосте» ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Каждый раз принимала новый молзавод, и начинала жизнь с нуля, обживая новый дом.

Алька росла своенравной, задиристой, с характером, но умелой. Руки, как говорится, у нее росли оттуда, откуда надо. Она вышивала крестиком, выпиливала лобзиком, умела вкусно приготовить, в то же время отлично училась в школе. Но если что в голову втемяшится, то ее не свернуть с пути. Рине было трудно с ней. Она привыкла, что на заводе ей все подчиняются и всегда будет так как она сказала. Но не в случае с Алькой. Когда Алька училась в шестом классе, Рина с ней повздорила, и, не выдержав наглый и упертый характер дочки, хорошенько приложила ей по лицу. Гордая Алька этого потерпеть не могла. И ночью, тайком, сбежала из дома, пришла к учительнице с красной пятерней на щеке.

Долго умоляла Рина простить ее, не позорить перед «людьми» и возвратиться домой. Хорошо поизмывавшись над матерью, Алька выдвинула свои условия и вернулась. Но жила с матерью недолго.

Глава 5

Старшая сестра Галька вышла замуж по любви и уехала в город. Рина купила ей кооперативную квартиру в «хрущевке» и помогала выплачивать по двадцать пять рублей в месяц. Это были очень большие деньги. Но Галька и сама старалась заработать, тоже окончив техникум молочной промышленности, устроилась бухгалтером, а по вечерам мыла подъезды, чтобы добыть лишнюю копейку. Как раз в это время, Алька вспомнила о старшей сестре и решила, что будет жить у нее и доучиваться в школе, которая была поблизости. В этой школе как раз она и познакомилась с Виталием Лищенко. Это было обычное знакомство. Они просто учились в одной школе, и стали всего лишь приятелями.

После окончания школы Алька решила поступать в университет, немного немало на юридический. Но в первый год не поступила, и серебряная медаль, которую мама «примаслила», «присметанила», в общем, молочными продуктами удобрила, не помогла. Нет, Алька была не глупая. Она была просто очень веселая. Любила шумные компании. И неудача в поступлении ее не угнетала. Она устроилась на год, до следующих вступительных экзаменов, в театр оперетты осветителем сцены, вернее, его помощником. И понеслась жизнь веселая, разудалая, бомондная. С банкетамы после спектаклей, с ухаживаниями артистов и не только. Каждый вечер, а скорее ночь, ее старшая сестра, стояла у окна, выглядывая, когда Алька вернется домой. Ей было страшно за младшенькую. Каждый раз Альку подвозили на разных машинах, глубокой ночью, девушка всегда была навеселе и, казалось, этому не будет конца.

Галька волновалась, что упускает сестру, переживала за маму и, одновременно, злилась на нее. Это Рина разбаловала дочь. Алька никогда не имела отказа в деньгах, модных вещах, которые за баснословные суммы покупала у спекулянтов ей мать. Рина любовалась Алькой. Высокая, статная, с длиннющей косой, веселая и жизнерадостная, душа компаний и заводила всех гулянок. Ну и мать старалась, разводила сметану, делала «левое» масло, и везла, везла машинами неучтенный товар на продажу, а денежки Альке. Но в следующем году мать постаралась, и любимая дочка все-таки поступила на юридический.

На одной из вечеринок, Алька встретила с Лищенко Виталием, и закрутилась любовь. Страстная, веселая, романтическая, пылкая. Это была очень красивая пара.

Вскоре в семью пришла беда. Галькин муж разбился насмерть на мотоцикле. Галька была в тяжелейшем состоянии, она не могла прийти в себя от потери любимого мужа, да и к тому же с ребенком под сердцем. Галькин муж был единственным у своих родителей, и они, все-таки, уговорили изменить место похорон, и единственного сына отвезти и предать земле в родном городе, там, где жили сами.

Всех родственников и друзей, которые должны были приехать на похороны, необходимо было отправлять по новому адресу, к родителям погибшего. Решено было оставить Альку и Виталия, чтобы они сообщали об изменениях в траурной процедуре.

Вот в ту ночь, когда вокруг было ни души, в порыве страстной любви и произошло зарождение новой жизни, плод нежных чувств молодых и красивых, очень любящих друг друга, шагающих в новую жизнь, взявшись за руки и слившись в поцелуе. На свет появился чудесный маленький бутузик, маленький Алькин и Виталькин сынок, которого назвали Севка. Севка Лищенко. Да-да, тот самый, который в пятом классе в записке признался, что любит Полю Полякову.

Свадьба задержалась, в связи с трауром в семье и ребенок родился раньше срока. В советское время это было показателем аморальности и нагулянности. Из-за этого срока и начались большие проблемы. Мать Виталия была уверена, что Алька ребенка нагуляла, и решила свой грех прикрыть ее бедным единственным сыном, несмотря на то, что Севка был копия отец.

Алькина свекровь работала на комбинате главным бухгалтером, с виду интеллигентная, с аккуратной прической, маникюр, помада, речь. Конечно, Рина со своим заводским охрипшим голосом и ушлым характером была нечета свахе. Да и за Алькой тянулась нехорошая репутация после театра оперетты. И запало в душу свекрови, что растит неродного внука. Покоя не давало ей эта мысль, как же в их семью проникла змея и обвела их вокруг пальца?

Рина полюбила малыша больше всех на свете. Никого так она еще в жизни своей не любила. Мечтала всегда о сыне, и тут такая радость! От любимой дочки внук. Внучка уже была, Галькина, но это ж опять девка. А тут внук!

Альке надо было продолжать учиться. И ее мать сдает очередной молзавод и уезжает в город, к дочерям. В то время она сошлась уже с мужчиной. Работал он у нее на заводе грузчиком. Сам не очень. Глуховат, контужен, но зато, своих детей у него не было. А это значит, на денежки его никто не будет претендовать. Собрались они с Риной и переехали в город. Сняли комнату в частном доме, устроились на работу на хладокомбинат. Рина мастером на фабрику мороженого. Мужа своего, Леонида, устроила в холодильную камеру грузчиком, потому что там были самые большие оклады.

Однажды, когда внучку Севочке исполнялся месяц, решила Рина навестить его. На работе взяла несколько порций мороженого, целый кусок шоколадной глазури, завернув в газету, молока, еще раньше по случаю купила ползунки, и сразу после работы поехала в гости к внуку. Жила Алька у сватов, в комбинатской двухэтажке. Поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, Рина Саввична заметила, что дверь в квартиру сватов была приоткрыта. Показалось ей это странным. На улице январские морозы под двадцать градусов, люди тепло берегут, а здесь проветрить, что ли решили?

Тихонько приоткрыв дверь, Рина Саввична зашла в квартиру. Услышала из дальней комнаты попискивания внучка, и, снимая по дороге с себя мутоновую шубку, тихонько вошла в комнату. Она чуть не потеряла дар речи от увиденного. На подоконнике, у открытого настежь окна, лежал на подстеленной тоненькой пеленке голенький месячный Севка, периодически потряхивая уже синими ножками и ручками от холода и тихо попискивал. Морозный воздух гулял по комнате. По спине Риной то ли от холода, то ли от ужаса поползли мурашки. Рядом с окном, в накинутах пальто и в шапке, стояла сваха.

– Ччччто здесь происходит, Майя Михална? – тихо зашипела Рина, боясь спугнуть малыша.

Сваха резко повернулась, на лице отразился испуг. Но она быстро взяла себя в руки и железным голосом также прошипела в ответ:

– А собственно, что вас не устраивает? Я закаляю ребенка. Чтобы он был здоровым.

– Где Алька?

– Не знаю, попросила посидеть с ее сыном, а сама куда-то испарилась. Порядочная жена и мать сидит дома. И не подкидывает своих детей никому.

Рина кинулась к внуку, зацепив по пути одеялко из кровати. Схватив его на руки, и, хлопнув окном, начала кутать мальчика, растирать ему ручки и ножки. На полу валялась сетка с подарками, из нее выпало мороженое, и потекла белая лужица прямо на коврик.

– Нагуляла ребенка, обманула моего сына, повесила нам его на шею. Сама живет припеваючи, а мы должны растить этого выродка? – верещала сваха, топая ногами.

– Ну и дура ты, Майка! Ты что????!!! Решила избавиться от мальца и покончить со своими проблемами? Как рука у тебя только поднялась!!

– Твоя Алька украла у меня сына!

– Дура ты, они любят друг друга!!!! Ноги моей не будет больше в этом доме! Ни моей, ни Алькиной!

– Плакать не буду! Катись вместе с ней и выродком своим!!!!!!

Рина устроила Альке жуткий скандал, за то, что бросила сына неизвестно на кого. Майя Михална не отставала от Риной, не уставая упрекать Альку в легкомысленности. Ссора перешла на Альку и Виталия. Они поругались, потом помирились, и, собрав вещи, ушли жить к Рине в съемную комнату.

Майя Михална очень переживала и страдала, что так по глупости лишилась единственного сына. Промучившись несколько дней, взяла листок бумаги, ручку с красным стержнем, села за стол, немного задумалась и начала писать:

«Аля! Я знаю, что одной, без отца, без его отчества, трудно вырастить сына. И мы с мужем тебе поможем во всем, примем тебя и твоего мальчика. Будем помогать тебе во всем. Прошу тебя лишь об одном! Признайся, что Сева не сын Виталия. Будь честной! Мы тебя не бросим, поможем и деньгами и в воспитании. Только признайся, и все будет хорошо! Возвращайтесь домой, мы вас не обидим!»

Запечатала в конверт, и отправила письмо по почте.

Когда Алька прочитала письмо, сначала побелела, потом бросила его на пол и начала топтать, топтать, топтать! Рина подскочила к ней и, забрав письмо, прочитала, помотала головой, аккуратно сложила его и засунула в документы.

– Когда Севка вырастет, я ему обязательно покажу это письмо.

Глава 6

Поля сидела на диване у Ирки уже минут пятнадцать, и пыталась поведать подруге о своей беде.

– Представляешь? Нет, так обидно. Что я хуже других? Если уже и папа стал об этом говорить... Мне бы только доказать им, что я не хуже, не хуже. Может и лучше... Да мне все равно, пусть думают, что хотят...

Поля замолчала, задумалась. Ирка крутилась у зеркала, потом залезла в шкаф, долго рылась там, и опять кинулась к зеркалу. Подруга была в трусах и лифчике, на голове бигуди, у зеркала она внимательно рассматривала свое лицо, медленно провела пальцем по носу, затем губы надула, улыбнулась, и медленно как будто растерла помаду. Посмотрела опять в зеркало как-бы издали, задумчиво спросила Полю:

– И чего думаешь делать?

Поля очнулась

– Не знаю. Что тут сделаешь. Насильно мил не будешь, не заставишь никого со мной встречаться.

Помолчала, попробовала выдавить слезы, хотя бы Ирка, что ли пожалела. Но та уже рылась в шкафу, нервно выкидывая на пол свои наряды.

– А ты куда собираешься?

– Да с родителями едем в гости, там такой экземпляр будет... Голову сносит, вот хочу, может, закадрить.

– У тебя ж есть Андрей...

– Ой, ну есть и что, на одного больше ведь всегда лучше, чем на одного меньше. Или вообще никого, – сказав последние слова, вдруг замолчала. Она поняла, что ляпнула лишнего. Ей подруга только жаловалась, что у нее вообще никого нет. А она так неосмотрительно начала хвастать.

После этих слов Ветелиной, у Поли без всяких уже усилий над собой слезы подступили очень близко. Но теперь, ей не хотелось перед Иркой показывать их. Чужое горе всегда чужое. Хотя, конечно, горем назвать это никак нельзя было. Но что у подростка в голове? Почти каждая проблема – это конец света... Поле не понравились слова Ирки. Постоянно все давали понять ей, что она второго сорта. Мама с папой все время говорили: «Ира то, Ира се...», Иркины родители тоже, когда приходили к ним в гости, любили Полю поучать «А наша Ирочка такая-растакая», «А наша Ирочка самая лучшая», «А наша Ирочка... бери с нее пример». Сядут у них на кухне, дым коромыслом, рассуждают на великие темы, а сами? Сами курят! Этого Поля вообще понять не могла. Ну ладно Иркин отец курит, но мама? Она же тетенька! Как эта гадость в нее влазит?

Когда-то, в третьем классе, Поля гостила у родственников в Москве. Дядька был какой-то важный, в чинах. Жена его, тетя Полиного папы, чудесная женщина, тоже курила. Но они были старые, поэтому их можно понять. На их долю война выпала. Поэтому у них в квартире везде были раскиданы сигареты. Прямо пачками валялись и на кухне, и в комнате. Как-то Поля зашла в туалет, и ее взгляд упал на голубенькую упаковочку с надписью ТУ-134. Шальная мысль сразу закралась девчонке в голову. Поля быстренько заперла дверь на щеколду, трясущимися руками взяла пачку, достала одну сигарету и засунула себе в рот. Осталось дело за малым. Закурить. Поля взяла коробок со спичками, достала одну с зеленой головкой, таких в своем городе Поля еще никогда не видела, и постаралась зажечь их потише. Тихо шкребанула спичкой по коробку... Ничего не получилось. Еще раз. И еще раз... Поля боялась, что родители услышат странные звуки из туалета, поэтому старалась делать аккуратно. Когда она поняла что

нужно от души черкануть спичкой по коробке, и это будет громко, тогда включила душ для маскировки звука и с уверенностью прорисовала белую полоску на коробке, это она уже умела. Спичка загорелась, Поля поднесла ее к сигарете, и... ничего не происходило. Как-то не прикуривалось. Несколько раз повторялось одно и то же. Наконец, как-то случайно получилось, Поля в этот момент втянула воздух из сигареты, и огонек заиграл. Девочка сильно закашлялась, и ее затошнило, резко бросила сигарету в унитаз, где уже плавали спички. И смыла водой. А улики не тонули. И Полю накрыл ужас! Мало того, что ее теперь тошнило, так еще она понимала, что от родителей достанется, если не спрячет следы преступления. Это была долгая и, в тот момент, серьезная ситуация для Поли. Намучилась она с этими «водоплавающими» спичками и сигареткой так... Что не в сказке сказать, ни пером описать. Поэтому у нее выработалось устойчивое отвращение к курению, а особенно когда курили женщины.

Но вернемся... Тетя Аня, Иркина мама, восседала всегда в углу маленькой кухни Поляковых, выпускала дым в лицо Поле, морщилась от этой гадости и скривленными губами читала мораль. А Поля стояла перед ней по стойке смирно, молча, опустив голову, и ждала, когда все закончится. То, что за нее никто не заступится, она понимала. Ведь на самом деле она и была такая нехорошая девочка. За всю свою жизнь многие ей это внушали, и она даже в это поверила. И когда очередной раз ее начинали воспитывать, или нечаянно она что-то натворит, то больше всего доставалось Поле от самой себя. Она мучилась от того, что такая недопепа, как она просто портит всем жизнь. Из-за нее расстраивается мама, папа, из-за нее случаются все проблемы в семье, потому что она не умеет себя вести, потому что она что-то не сделала, потому что она как раз сделала, да не то. Но все эти нравоучения Иркиной мамы ни в какое сравнение не шли, с тем, как ее ругала тетя Муха. У родителей была знакомая, жила она в соседнем доме, по фамилии Мухина. За глаза ее все называли Муха. Когда она приходила к ним в гости, вот этого Поля боялась и ненавидела всеми клеточками своей души. Эта тетя Муха была такая злая... Резкий голос, выражения типа «дрянь такая» и «ты свою мать в могилу тащишь», «если твоя мать умрет, ты будешь в этом виновата», «всю жизнь будешь локти кусать». Похоже, мама сама ее побаивалась, прекратить этот поток ругани никто не мог. Но зато у Поли четко сформировалась мысль, что она лишний человек на этой планете, от ее присутствия только всем хуже.

...Ирка поняла, что сморозила лишнего. И уже, одев свой новый сарафан, подседа к Поле.

– Так. Надо что-то придумать. У тебя есть кто-нибудь на примете? Надо действовать, а не сидеть сопля на кулак... То есть, думай.

Поля замаялась. Кого ей вспомнить? В нее никто никогда не был влюблен. И вдруг осеңило! Лищенко! И его записку в пятом классе. Сейчас ей уже казалось, что какая-то тогда ерунда случилась. «Я люблю тебя, твой сосед любит соседку». Точно глупость какая-то.

Ирка заметила движение мысли на лице Поли.

– Ну? Вспомнила?

Поля робко и как-бы извиняясь, сказала:

– Лищенко?

Ирка обрадованно шелкнула пальцами, как будто это то, что давно ждала.

– Точно! В этом направлении и будем работать.

– Как?

– Как, как? Пока не знаю. Пойдем, я провожу тебя быстренько домой, и завтра будем действовать.

Глава 7

Севка как всегда осенние каникулы провел у бабушки. Рина Саввична очень любила внука. Старалась забирать его все время к себе от матери.

Когда письмо красными чернилами Рина припрятала, на этом проблемы в семье Альки не закончились. Свекровь не давала житья, то борщ Алька вкусный приготовила, и свёкр ее похвалил, а это очень не нравилось Майе Михалне, то не убрала вовремя, то пришла поздно. Да и Алька не давала спуску свекрови. Ей тоже было, что сказать в ответ. Да еще и громко, чтоб соседи слышали, спектакли часто устраивала, показательные. Так, что в их небольшом доме из двух этажей и двух подъездов, соседям было что обсудить и посмаковать. Сыну своему, Витальке, Майя Михална постоянно вскользь и не вскользь намекала, что воспитывает он неродного сына. Хотя мальчик рос маленькой копией Витальки.

Семейная жизнь не ладилась, вместе в одном доме существовать невестке со свекровью было уже даже небезопасно. Чтобы внук пореже видел скандалы, Рина Саввична, как только была возможность, забирала Севку к себе. Сама с мужем мыкалась по квартирам, и внук с ней. Где только Севка не спал. Даже в корыте. Зиму перезимуют, а весной им на дверь показывают. Никто не хотел, чтобы в доме жил маленький ребенок. И по весне – узлы, котомки, чемоданы и поиск новой квартиры.

Алька с Виталькой, пожив вместе со свекровью, и, заимев друг против друга кучу претензий, через несколько месяцев съехали. Дело в том, что у Виталия было много теток. И одна из них умерла, оставив в наследство дом в центре города, правда в общем дворе. Один общий туалет на улице. И сарай в конце двора. Туда, со своими пожитками и переехало молодое семейство Лищенко, спасая свой брак. Но трещина расколола интересы, уважение, и даже любовь Альки с Виталькой. В этом доме приходилось рубить дрова, топить печку, ходить в поленницу в далекий сарай, носить воду ведрами из соседнего двора, и все это в любую погоду, при любом состоянии души и тела. Когда было лето, еще куда ни шло, а вот ближе к зиме, Виталька уезжал к маме. И когда по весне возвращался, все соседи шутили: «Алька, муж вернулся? Значит, точно весна началась». То Алька, то Виталька начали поздно приходить домой, часто куда-то уезжать на выходные, каждый в свою сторону. А Севка... был никому не нужен. Только бабке. Поэтому у Рины обливалось сердце кровью, ей было очень жаль мальчика, она забирала его к себе, покупала ему одежду, читала ему на ночь сказки, водила в парк. В общем, была и папой, и мамой, и бабушкой. Может, такое и часто в жизни происходит во многих семьях. Но когда в твоей, все чувствуется по-другому.

Так прожили молодые недолго. Развод произошел болезненно, со скандалами, с затаенными обидами, с желанием отомстить. Причем с обеих сторон. Виталька ушел жить к родителям, а дом выставил на продажу, оставив одну маленькую комнату и то ли коридор, то ли предбанник, то ли кухню, то ли непонятно что. В комнате не было даже окон. Да и комнатой назвать ее было трудно, «каморка папы Карло», правда, с настоящим очагом, потому что печка все-таки имелась. Да что это за комната была... Там и помещался только диван для Альки, раскладушка для Севки и столик. Начали ходить купцы на просмотр дома, но увидев, что живет женщина с маленьким ребенком, которой некуда было идти, не решались брать на себя покупку этого «дворца» с последующим выселением из него несчастной матери-одиночки. А Виталька любил пошутить: «продаю дом с начинкой». Только в ответ никто почему-то не смеялся.

Алька почувствовала вкус свободы. Что могло ее, красивую, даже можно сказать, очень эффектную молодую женщину, теперь сдерживать? Ничего! Свобода!!! Не надо ни перед кем отчитываться, никому врать. Сама себе хозяйка. Мать, правда, периодически портила настроение. Но это можно было и потерпеть. Зато, если Альке нужны были деньги, на модные шмотки или косметику, или на ресторан... Мама не могла ей отказать. В выходные Рина Сав-

вична Севку забирала, чтобы мальчик не видел этот бардак. В будни Альке приходилось трудновато. Постоянная проблема – это Севку надо было пристроить куда-то. Чаще всего мальчик ночевал у соседки в другом дворе. Бабка была одинокая, она жалела мальчишку, и с радостью брала его к себе. Альке только это и надо было. Ну, а когда соседка уезжала в деревню. ... Однажды, когда Севке было четыре года, и родители еще не развелись, а просто Виталька уехал на зимовку к маме, Алька не смогла сына никуда пристроить, и оставила дома одного. А сама уединилась в машине с очередным кавалером. «Жигуленок» стоял возле калитки, ей казалось, что ничего не может произойти непредвиденного. Пока она веселилась, а потом утешалась в объятьях очередного женатика, Севка проснулся и, увидев, что мамы нет, выбежал на мороз, ночью, босиком, в одной пижамке. Испугавшись еще больше, он громко заплакал и с криком «Мама!» побежал за калитку. Детский испуганный вопль разрезал ночную январскую тишину. Алька, услышав плач сына, быстро выскочила из машины и, застегивая на ходу кофточку, догнала мальчика, схватила его на руки и кинулась домой. Дома, расстроенная, что свидание сорвалось, нашла Севку по попе. Мальчик заплакал в подушку, и, всхлипывая до утра, забылся в тревожном сне. Алька тоже долго лежала и смотрела в потолок, иногда слезы катились из глаз то ли от того, что стало жаль сына, то ли от того, что свидание сорвалось. А может от того что сама никого не любила, и знала, что её никто не любит, то ли от обиды на бывшего мужа. Она и сама этого не знала.

Веселые компании у Альки не переводились, женихи тоже. Она сильно не впечатлялась, женат или нет ее избранник. Жила одним днем. Зато, эти гулянки очень не нравились женам, которым изменяли мужья. Что только они не предпринимали. То обивку двери порежут, то вымажут ее г... Алька не затрудняла себе жизнь думками о совести. Ей и так было тяжело. Женихи приходили поесть, попить, повеселиться, ну и еще кому что... А носить воду, покупать и колоть дрова, топить печку... Это приходилось делать ей самой. Из нее могла получиться хорошая хозяйка. Алька вкусно готовила, у нее был кулинарный талант. Она не позволяла себе выйти из дома в несвежей одежде, или в мятом костюме. Всегда была с прической, накрашена, французские духи... Деньги не считала. Зачем? Мать не могла ей отказать. Да и сама Алька крутилась, как могла. Место было золотое. Она служила юристом в отделе по распределению автомобилей. Ну и в советское время, как впрочем, бывает в разные времена, не подкупишь – не получишь.

При всех минусах Альки, Рина Саввична ее очень любила. Поэтому Галька сильно обижалась на мать, потому что старшей дочери как будто не существовало для Рины. Сухие слова матери ее очень ранили, и иногда Галька устраивала скандалы с выяснением отношений.

Как-то раз, когда Альке исполнялось... В общем, неважно сколько... Не это главное. Алька решила собрать семью на свой маленький юбилей. Пригласила мать с мужем, сестру с семьей, себе кавалера и еще двух-трех закадычных подруг. Стол накрыла в своем общем дворе, поэтому соседи повеселились на славу от зрелища, которое развернулось этим праздничным вечером. Выпили, закусили, все как полагается. Галька долго себя сдерживала, но после третьей рюмки, стукнув кулаком по столу, решила выяснить, за что же мать больше любит сестру, а не ее. И заставить, раз и навсегда мать любить Гальку, то есть ее, так же как и Альку, а лучше – не так же, а больше. Ох, и скандал же был... Сколько грязного белья повывтывали на белый свет. На этот скандал прибежали посмотреть даже из соседних дворов.

... Вот и осенние каникулы в четвертом классе, впрочем, как и все остальные, Севка провел у бабушки с дедом. И в первый же день второй четверти к ним в класс пришли двое новеньких – девочка и мальчик. Поля Полякова и Кирилл Александров. Этот день он запомнил навсегда. Севка ловил себя на мысли, что на каждом уроке он смотрит не на учителя, а на эту девчонку, с косичками «баранками», с коричневыми бантами. Что-то его тянуло все время к ней. Четвертый «Г» был не из примерных классов, его учителя называли между собой,

а потом уже и в классах, и на педсоветах, и на родительских собраниях – «ГЭ оно и есть ГЭ». Сколько всяких ЧП происходило в этом классе. И во многих заварушках предводителем была Полякова. Севка не знал почему, но это ему страшно нравилось.

...Когда Севка с одноклассниками не знал, куда пойти гулять, инстинктивно предложил к школе. Все согласились. И его ноги сами привели в соседний двор Поляковой. Он и не ожидал, что, не успев расположиться на лавке, вдруг увидит, как Полякова медленно брела по двору. Наверное, она шла к Ирке Ветелиной. Они были подругами, хотя... Севка удивлялся, они такие разные, что их могло связывать? Полякова тоже увидела одноклассников и, ускорив шаг, не поднимая головы, пролетела мимо мальчишек.

Глава 8

Алька, конечно, искала женского счастья. Искала активно, забывая обо всем на свете. Забывая о матери, о сестре, а самое главное, о сыне. Севка не просто часто жил у соседней или у Рины Саввичны, но, даже находясь дома, мама редко его замечала. Часто к ней приходили ее подружки, какие-то дядьки, играла музыка, выпивали, смеялись, танцевали, курили в их маленькой комнатке. Севку и видно не было сквозь этот дым. Ему нравилось слушать взрослые разговоры. Где-то устроится в уголке, ручкой щеку подопрет и слушает, с открытыми глазами и ртом. Иногда засыпал, прямо за столом. Бывало так, что оставался какой-нибудь дядька ночевать, а так как спать дядьке было негде, то, наверное, поэтому он и ложился спать с мамой. В такие ночи мама загораживала Севку стульями, и завешивала их одеждой. Спать маме с дядькой было, наверное, неудобно, поэтому они все время что-то делали, шуршали, кряхтели, скрипел диван... И это все не давало Севке спать. И он не спал. Он смотрел в темноту и думал, думал, думал... Если это была зима, то мальчик любил наблюдать за огненными зайчиками, которые скакали по потолку и стенам, отражаясь от печки. Иногда мать вскакивала с дивана и бежала посмотреть, спит ли сын? И Севка закрывал быстро глазки, как будто он спит...

Были, конечно, редкие минуты, когда мама вспоминала про него. Иногда читала ему книжку про Каролинку, лисенка по имени Вук. Но самые любимые книжки были «Палле один на свете», и про волшебный мелок... Кто знает, чем в детской душе ребенка отзывались эти сказки? А может быть, ему просто было хорошо с мамой, и в эти мгновения они были только вдвоем?

...Ирка покрасилась, наконец, выбрала себе сарафан, и надела его на себя, пару капель маминых духов и ... Образ был совершенен. Она с удовольствием рассмотрела себя с ног до головы в зеркало, удовлетворенно вздохнула.

– Пойдем, я тебя провожу до дома, а то темновато уже...

– А потом я тебя, да? Такую красоту еще кто утащит?

И девчонки весело рассмеялись.

Проходя по тому двору, где час назад Поля видела одноклассников, подружки услышали смех и крики. Вглядываясь сквозь наступающие сумерки, Ирка разглядела в этой веселой и шумной компании Лищенко...

– О, на ловца, как говорится..., – и тихо, почти не шевеля губами, добавила, – Поля, повернись в сторону Лищенко и улыбнись, как можно приветливее. Как будто он спустился с Эвереста, а ты его долго ждала и беспокоилась.

– Вот еще... Не буду никому я улыбаться, – так же тихо, сквозь зубы прошипела Поля.

– Ты что, все забыла уже? Мы решили действовать...

– Я не буду... – и тут получила в бок кулаком от подружки

– Будешь! Быстро, сказала, повернись и улыбнись, – шипела Ирка сквозь зубы, а сама мило улыбаясь одноклассникам, щипала за руку Полю.

Поля, повернув голову, натянуто улыбнулась мальчишкам одними губами. Ее взгляд был слегка испуган. Она встретила глазами с Севкой, и сердце забухало где-то в ушах, от волнения стало жарко.

Уже у подъезда Поли Ирка пробурчала:

– Хорошо, что темно. Ты так улыбнулась, что можно сильно испугаться. Смотри на меня, надо вот так.

И Ирка улыбнулась как артистка на обложке журнала «Советский экран».

– Учись, пока я живая!

И подружки опять засмеялись. У Поли стало успокаиваться сердцебиение,

– Ир, ты пойдешь назад, ну....Мимо них.... Скажешь потом, что там, как было, – промямлила Поля.

– Не бойсь подруга, ты так им улыбнулась, точно ничего не будет, их вообще от страха, наверное, сдуло с лавки...

– Ир, ну все равно... расскажешь потом?

– Конечно, расскажу.

Волнение, которое несколько минут назад пережила Поля, было ей незнакомо, но почему-то приятно.

Дома было тихо, сестра спала, папа смотрел телевизор, а мама была далеко, в Сибири, поехала навестить деда. Дед был уже очень старенький и уже несколько лет жил один. Бабули не стало, когда Поля училась в четвертом классе.

Поля так соскучилась по деду. Он очень любил внучку, часто своим соседкам рассказывал разные небылицы. Ну, например, что Поля окончила не восьмой класс, а экстерном уже десятый, и к ней приезжали из самого главного университета на черной «Волге» и приглашали учиться. Без экзаменов, потому что у Поли была самая-пресамая золотая медаль. Подружки-старушки, шелкая семечки на лавочке у ворот, кивали головами и были в восторге от такой умной внучки. А дед... дед млел и таял, вспоминая Полю. И, похоже, уже сам верил, что так и есть на самом деле, и медаль, и «Волга», и университет.

Поля очень любила деда. Приезжала почти всегда только летом, потому что жили друг от друга далеко. Любила забираться к нему в кровать. И нюхать подушку. Она пахла табаком, и от деда пахло табаком. У деда был палец один короткий, а другой согнутый. Потому что он был плотник, столяр, короче говоря, мастер на все руки. Что только внучка не попросит, мог соорудить. Пальцы покалечил когда-то, наверное, в молодости, пока не был таким хорошим мастером, может, когда учился еще. А Поля садилась к нему на колени, и гладила его шершавые руки своим пальчиком. А еще она его любила обнять крепко и целовать в его табачную колючую щеку. Долго... Сильно... Чтобы дед закричал и запричитал:

– Ой-ой-ой, внучка, какая сильная, задушишь деда!!!!

Однажды, когда Поля была маленькая, они с мамой приехали к бабушке и дедушке в Омск зимой. Поля, увидев сугробы, гораздо выше папы, была потрясена. По улице, мимо дома, была прокопана тропинка из снега, а сугробы закрывали дорогу, и проезжают ли там машины или нет, ей не было видно. И даже слышно.

Наигралась она со снегом вволю, столько снега Поля потом за всю жизнь не видела. Ох, и налепили с дедом и снегурочку, и деда мороза, и всяких зайчишек... Намерзлись так, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Мама с бабушкой нагрели на печке воды, налили в корыто и решили девочку погреть и посадили как в чан с кипящим молоком. Или, может, Поле показалось? Или, может, Поле просто не хотелось купаться, греться и сидеть в корыте посреди кухни? Да и решила Поля воззвать к деду и его постоянному заступничеству. И какааак закричит Поля: «Горячая!». И в слезы! У деда аж все замерло внутри. Внучку любимую ошпарили!!! Две клуши, мать с дочерью, внучку сварили живьем! Как дед разошелся, вспомнил все, и даже кинул в них что-то со своей кровати! А Поля, надо сказать, в детстве не очень любила купаться. Да чего там греха таить, вообще не любила. И несильно-то и вода была горячая, потому что потом ей уже понравилось плескаться, и с резиновыми уточками разыгралась, и вылезать из корыта не хотела.

Но, зато, как дед ее любит! И маму отругал из-за нее, а такого Поля вообще никогда не видела, чтобы ее маму кто-то ругал. И приятно было Поле невероятно... Дед... любимый....

...Поля неожиданно поняла, что хочет есть. Когда они с папой были на хозяйстве без мамы, то сильно не заморачивались. Купят колбасы, с хлебом нарубят огромных бутербродов и вся еда. Или консервы откроют, и всё – ужин есть. Поля обожала такие ужины. Но сегодня

была гречка, и еще что-то. Она не успела посмотреть, что там папа наварил, потому что услышала, как с улицы ее позвали. Выглянув в окно, Поля вообще чуть не выпала с третьего этажа. Снизу на нее смотрело три пары глаз. Иркины, Славки Пикова и Севки Лищенко. Что им надо? Почему они ее зовут?

– Поля, спустись-ка на минутку! – Ирка заговорщически подмигнула.

Поля кинулась к двери.

– Па, я сейчас вернусь! Я на минутку!

Ладошки вспотели, сердце опять забухало. Как это? Почему они пришли вместе? Ирка вообще уже давно в гостях должна быть. Ох, и достанется ей от родителей. Лищенко Севка? А ему то, что надо. Поля бежала до первого этажа через две ступеньки. На первом опомнилась, решила отдышаться и, вдруг, ей стало страшно. Может домой? А что я скажу? Они ее опять будут звать. Вот, Ирка, зараза такая, что она им сказала? Зачем притащила сюда? Поля поняла, что деваться ей некуда. Надо выйти из подъезда, а там будь что будет.

Они стояли втроем. Ирка довольная. Пиков веселый. И Севка. Он, видимо, тоже нервничал. В руках у него были его часы, и он все время щелкал браслетом. Когда Поля вышла, сразу же повисла неудобная пауза, и чтобы ее как-то разрядить, Ирка сказала:

– Слушайте, я тут с вами и так сильно задержалась, мне пора, а то родители мне устроят, наверное, заждались. Пойдемте, вы меня проводите теперь.

Пиков все время усмехался, нарезал круги вокруг и приговаривал:

– Я тут не при чем, я тут не при чем...

Ирка рассказывала, что-то, но Поля ничего не слышала, сердце бахало в ушах, в ногах и в горле...

Севка шел рядом. Он был намного выше Поли, и все время посматривал на нее свысока. Взгляд у него был такой... Необычный взгляд, но уже знакомый.

Шел октябрь, учебный год только начался, причем Поля с подругой попали в чужой класс, потому что «Г» класс расформировали. Теперь Поля и Наташка Баршина были «бэшки». Несколько дней с ними в классе учился и Севка Лищенко с другом детства Сергеем Руликиным, а потом их перевели к «вэшкам». Там мальчиков оказался дефицит, и учитель по физкультуре остался без работы. Но пока Севка учился в «Б» классе, Поля часто ловила на себе его взгляд, такой же, как сейчас, когда он щелкал браслетом от часов. Когда Поля увидела первый раз на уроке, что Севка, просто не отрываясь, мечтательно смотрит на нее, и даже с трудом отводит взгляд, то сначала смутилась и удивилась. Когда это стало повторяться каждый день и на всех уроках... Поле стало интересно и очень волнительно. Но, потом несколько мальчишек, прямо на алгебре забрали учиться в другой класс, все и закончилось. И Поля все забыла. Но... теперь-то вспомнила. Этот взгляд... Он ее просто обезоруживал... Обезвреживал... И обезкураживал... Чего там еще может быть обес... Это все происходило с Полей? Внезапно, она очнулась.

– Я папе сказала, что я на минутку. Зачем приходили-то?

В воздухе повисла пауза. Севка, щелкая браслетом, тихо произнес:

– Я зайду к тебе завтра?

– Зачем? – парализованным от страха голосом сказала Поля?

– Погуляем...

– Зачем? – повторила Поля, как попугай, мысленно ругая себя.

– Просто погуляем... Во сколько зайти?

Ирка и Пиков следили за этим диалогом, как за шариком в настольном теннисе.

– Зачем?

– Тебя что, заклинило? – Ирка не выдержала. А Пиков опять усмехнулся.

– В шесть... – как робот ответила Поля, повернулась и быстрым шагом побежала к себе в подъезд.

Еще вчера, еще вчера, да что там вчера... Еще два часа назад, она плакалась Ирке, что никого у нее нет и вот оно...Свершилось... «А вдруг он по другой причине хочет погулять? По какой по другой? Он что задачки попросил решить?» У Поли не помещалось в голове, как, что это, и что теперь будет? Но с детства усвоила истину, которая действительно работала в трудных ситуациях. Утро вечера мудренее.

Глава 9

Поля не могла никак заснуть. Резко изменившиеся обстоятельства в ее жизни все время будоражили девушку, она забывалась иногда поверхностным сном, тут же просыпалась. И мыслей особенных не было, всего лишь представить не могла, что кого-то заинтересовала. Может это просто так все? Но ведь у каждого «простотак» есть «потомучто»? Почему вдруг, когда было решено, что ей нужен парень, он сразу же появился? А если бы она этого не захотела сегодня? Пришел бы Севка к ней? Столько вопросов, на которые Поля не могла ответить, изматывали ее совсем и под утро она заснула.

...Поля бежала по лугу. Вокруг полевые цветы, голубые и синие, ее ноги утопали в траве, светило яркое теплое солнце, от прикосновений босых ног колокольчики начинали звенеть, каждый на свой лад. Но это не был шум, это был напев, нежный, родной, теплый... Иногда мелодия прекращалась на мгновение и снова начиналась с новой силой...

– Пооляя! Поля! Пооляя!

Поля открыла глаза, перед ней стояла четырехлетняя Туся и жалобно смотрела на сестру.

– Ты сего не плюсыпаешься? Я думала ты умелла? Кто-то плишел, звонок звенит и звенит, а ты не плюсыпаешься. А мама мне не лазлешает двели самой откльывать, я же в глазок не достаю смотлеть...

В этот момент Поля услышала звонок и спросонья бросилась к двери, подбежав, глянула в глазок. Фух, это Ирка пришла.

– Ну ты и спишь... Хоть из пушки пали, думала уже скорую тебе вызвать. Молодой здоровый сон, да?

– Заходи, – тихо пробормотала Поля. – Что случилось-то? Ты в такую рань еще не приходила.

– Ничего себе рань, полдесятого уже. Короче, я спешу, прибежала на пять минут. Сегодня... Только не падай! Сегодня... Севка тебе в любви признается. Готовься!

– Поля вскинула взгляд на подругу.

– С чего это ты взяла?

– Он мне сам вчера сказал.

– Что сказал?

– Ты что, оглохла? Он сказал, что тебя любит.

– Да не ври ты!

– Делать мне больше нечего, я б тогда к тебе не прибегала. Так что готовься.

– С чего ты взяла то, что он мне сегодня скажет это.

– Он же мне сказал. Тебе повторить? Ох, как понравилось слушать, прям повтори - повтори.

– Не говорю я «повтори», с чего ты взяла, что он мне скажет сегодня, что он меня любит?

– Так, Туся, закрой за мной дверь, твоя сестра на радостях мозги растеряла. Пока подруга, мне некогда, завтра все расскажешь, я побежала.

Поля стояла и смотрела в закрытую дверь и ничего не понимала. Но... Теперь она еще больше стала переживать за сегодняшний вечер. Когда Севка Лищенко скажет, что он ее любит, что она должна ему ответить?

«И я тебя тоже люблю?» Нет, это неправда. Такое она не скажет. Или: «А я тебя не люблю». Нет, это хоть и правда, но такое в ответ на признание в любви у Поли язык не повернется сказать. Промолчать – невежливо. Пообещать, что полюбит его в следующей пятилетке? А вдруг не получится? Что же делать? Зачем вообще все это затеяли? Как вчера было хорошо, никаких свиданий, признаний. Ну, почти что хорошо. По крайней мере, все было ясно.

Эти вопросы сильно мучили Полю весь день, она ходила как потерянная. К пяти вечера девушка была готова. Оделась, накрасилась, мамины духи, все как полагается. И чем ближе было шесть часов вечера, тем больше внутри у нее все дрожало. Как же быть? Что же делать.

Придумала! Чтобы Севка не вздумал говорить всякие любовные признания, им нужен третий. Или третья. Надо кого-то с собой взять на прогулку. Теперь вопрос, кого...?

...Когда Севка был в пятом классе, Алька, наконец-то, нашла себе мужа. Это был таксист. Познакомилась так же в такси, он ее подвез, она эффектная, при деньгах, веселая. Он тоже при деньгах. А такие дамочки мимо него не проходили. И как-то все закрутилось, завертелось и закончилось в ЗАГСе. А может быть, все только началось. Но жить решили по правилам. У таксиста, был сын уже от первого брака, но жена куда-то делась, бросила сынишку Лешку отцу и бабке, своей свекрови, и исчезла из их жизни навсегда. Так и жил таксист Жорка с сыном Лешкой, пока не попала стрела амура, запущенная Алькой, в его сердце. Решено было, что Алька с сыном из своей крохотной комнатухи поедет жить к мужу. У Жорки был дом. Во дворе, во времянке бабка Параша выращивала тюльпаны на продажу. Так что копеечка водилась. И на бутерброд с маслицем и даже с сыром всегда хватало. Да и Рина постоянно подкидывала продукты, потому что на продуктах работала. А на что государству столько? Делиться надо. И оно исправно делилось с Риной Саввичной и маслом, и всем остальным, что плохо лежало.

Поселили Севку в коридоре, у входной двери. Там он и обитал. Уроки делал, даже ел. Как-то Рина пришла к дочери в гости, и надо ж было, прямо к ужину подошла. На кухне был накрыт стол, оладьи возвышались огромной горой, сметана в миске. За столом сидела почти вся семья, дружно уплетая жирно сдобренные сметаной и вареньем оладьи. А Севка сидел в своем полутемном уголке, у входной двери, на тумбочке и медленно жевал всухомятку «голые» оладьи. Ни сметаны, ни варенья. И так Рину Саввичну обида взяла за внука, что продохнуть стало трудно. Обида прямо в легких комом встала. С тех пор она все чаще звала внука к себе домой. К тому времени, она с мужем насобирала денег и купила маленький домик, неподалеку нового места жительства Альки.

Зато спал Севка с сыном Жоркиным, в зале, вместе на одном диване. Лешка был младше его на пару лет, но чувствовал себя главным. Потому как Севка пришлый и чужой в этом доме. За него особо никто не заступался. Вот Лешка нос и задирал. Все время Севку подначивал да поддразнивал. Севка молчал, терпел. Несмотря, на свой юный возраст, он прекрасно понимал, что это – его новая семья, что маме, наверное, так будет лучше. Однажды, перед сном, лежа на одном диване, Лешка так обнаглел, что Севка не выдержал, молча развернулся, и врезал ему кулаком в глаз. У Лешки сразу синяк. Что тут началось!!! Скандал был грандиозный! Какой-то «приживала» бьет ни в чем не повинного мальчика. На все вопросы, почему да за что, Севка не отвечал. Просто слушал молча все нотации и угрозы. А что ему было делать? Но, зато, Лешка его больше не поддразнивал. По крайней мере, на близком расстоянии.

Алька тоже была не из молчаливых невесток. Как и с первой свекровью, со второй повторялось то же самое. Алька также обещала сжечь дом, если что. Так же устраивала показательные выступления во дворе со скандалами, криками, слезами, угрозами на радость соседей. Так как потом еще несколько дней было на квартале о чем поговорить. Так прожили пару лет, и когда отношения со свекровью Алька разрушила до основания, всем большим семейством переехали в Алькину каморку. Лешка там пожил недолго, и все-таки вернулся к своей бабке Параше. Места Севке опять не было в доме, но благо, что двор общий. И один из соседей, бывший близкий друг Альки, уехал жить в Москву, а свою комнату сдал молодому и шумному семейству. Через год, сосед приехал в отпуск, и что-то не сговорились по поводу жилья. И тогда...Алька сняла комнату у Севкиного отца, у Витальки. Потому как после развода с Алькой, раз продать «с начинкой» дом не получилось, оставил Альке одну маленькую комнатку

без окон, а две закрыл на ключ, вход разделил. Теперь у Севки была целая комната, за которую Алька платила его отцу деньги. Вход был отдельный, с улицы, и поэтому много не набегаясь туда-сюда. Правда, была проблемка в той комнате. Там стена дала трещину и медленно отходила. Севка каждый день смотрел на нее, и думал, скоро ли он увидит небо в щелочку? Не скоро, но все-таки, такой момент наступил, когда можно было лежа на раскладушке, сквозь трещину в стене, увидеть звездную даль. А на небо он смотреть любил.

...В дверь позвонили. Поля вскочила и побежала открывать. Перед ней стоял Севка. В руках у него был букет огромных белых хризантем. Поля была потрясена. Она сама себе не верила, ей казалось, что это сон. «Вот мама удивится, когда придет», – подумала Поля. «Скорей бы уже приехала, мне ей столько надо рассказать...». Быстро поставила цветы в вазу, обулась и выскочила в подъезд, услышав папино: «Поля, в десять чтоб дома!».

– Хоррошооо!!!

Глава 10

Поля в сотый раз прокручивала в голове сегодняшний вечер... Вечер седьмого октября... Вечер первого в жизни свидания. Ощущения странные. И приятные, и необычные, и немного удивительные. Даже чуточку ей было страшно. До конца поверить не могла, что это происходит в ее жизни. И смешанное чувство разочарования и радости одновременно, потому что никакого признания в любви не было. Да и как ему быть, если с ними гуляло третье лицо. Радеева с удовольствием разбавила их компанию. Поля ее позвала специально, потому что так и не придумала, что ответить Севке, если вдруг и вправду задумает признаваться в любви. Весь вечер Радеева наблюдала с прищуром то за Севкой, то за Полей. А Поля уже и пожалела, что позвала с собой первую врушку и сплетницу.

Троица прошла, гуляя, полгорода. Радеева не умолкала. И откуда у нее столько тем для разговора? Она сильно утомила Полю. Ворочаясь в кровати с боку на бок, девушка все время думала о Севке. Он, похоже, к ней точно не ровно дышит, потому что все время пытался идти рядом с ней, а не с Радеевой. Поля как актриса, устраивала ему какие-то маленькие испытания и проверки. То ей понравился цветочек на клумбе, и она задержалась, любуясь им, то ногу подвернула, то вдруг случайно в лужу наступила. Эти уловки были неспроста. Поля проверяла, с кем рядом будет Севка идти. И он все время старался держаться подальше от Радеевой, поближе к Поле. Ну, кому-то это может и мелочи. Но только не для девчонок. Все эти проделки заметила и Радеева, и тихо шепнула на ухо Поле: «Он точно в тебя втрескался! Ни на шаг не отступает...»

...Только тот, кто жил в общем дворе, может понять как там «весело» живет. Почти как коммуналка. Да, конечно, нет общей кухни. Но зато есть общий двор... Кто только ни жил в этом дворе. И каких семейных драм только не происходило. То чей-то муж пришел пьяный, и дома начался скандал. И скалка, и сковородка – это совсем не народный фольклор, а правда жизни. То слышно как плачет какой-то малыш, или пахнет прокисшим борщом и стиральным порошком, то кто-то метет двор и исподтишка наблюдает, как с соседней улицы к Альке зашел Веркин муж, Павлик. И уже не выходит часа два. А Севка с чумазым ртом и легкой лохматостью бегают по улице. То дагестанская семья с многочисленными гостями и родственниками режут барашка, и кровь животного течет по двору и громкие радостные крики на непонятном языке и музыка Кавказа.

В самом первом доме, как раз у калитки, жила баба Зоя. Она часто болела и редко выходила из своей комнатки, да и если выходила, была неприветлива. Севка, когда видел ее, то сторонился. Да и баба Зоя на него не обращала никакого внимания. Но мальчишку тянуло любопытство все время заглянуть в дом к этой странной тетеньке. У бабы Зои был длинный коридор без лампочек, и когда дверь оставалась приоткрыта на улицу, ох, и не давала покоя Севке эта темнота. Она привораживала все внимание мальчишки, и, конечно, для него было приключением заглянуть в страшную неизвестность. Иногда он осмеливался, и заходил недалеко по коридору, но испугавшись кого-то шороха, быстро выскакивал на улицу. Эта игра нравилась мальчику. Но что же его все время туда тянуло? Может быть зов крови? Уже когда он стал взрослым, узнал, что это была родная тетка его отца. Но и ей мальчишка не был нужен. Никогда мальчик даже не почувствовал, что она родная.

Когда Севка учился в первом классе, и таксист-отчим с его семейством был далеким будущим, то, как все советские дети ходил в продленку. Вечером его забирала мама и два с половиной квартала они шли вместе. Ему так нравились эти минуты. Мама принадлежала только Севке. И ему было даже не страшно, если мама его ругала за тройку или за что-то другое. Она смотрела на него, разговаривала, рассказывала что-то, держала его за руку. И все

это продолжалось, пока они не приходили в свою каморку, в которой было холодно, зимой замерзала вода в ведрах, и пока не протопится печка, мальчик сидел в пальто и шапке, от усталости глаза его слипались. Ему хотелось есть, и надо было делать уроки. На голодный желудок и замерзшими пальчиками, уроки совсем не получались.

В эти минуты мама становилась другой. Ей некогда было даже посмотреть на сына. Сначала она бежала в сарай за дровами, затем, не раздеваясь, начинала растапливать печку. В пальто и шапке рвала листы из толстенной книги, которую написал какой-то Карл Маркс. И назывался этот труд как деньги, кажется «Капитал». Точно Севка не помнил, потому что обложку спалила мать в первую очередь. Дрова начинали потрескивать, становилось уютнее, и Севка, уставший и разморенный неожиданным теплом, начинал медленно раздеваться, щечки его розовели и начинали гореть с мороза. Становилось совсем лень делать уроки, хотелось прыгнуть на свою скрипучую раскладушку и спать...

Мама колдовала что-то на ужин, вкусные запахи заставляли Севкин желудок сжиматься, урчать и стонать. Алька очень вкусно готовила, и когда ужин был на столе, Севка уже почти спал. А потом... Потом они делали уроки... И иногда Севка ложился спать с царапиной на щеке от маминого маникюра. Алька срывалась на сыне от усталости, обиды на свою тяжелую жизнь и на всех мужиков на свете. А ночью, когда голова Севки с таким наслаждением касалась подушки, и он был готов заснуть, к ним в гости приходила мышка. И грызла что-то, не давая спать. Алька включала свет, стучала по стене, шипела, ругалась, топала. И мышка, испугавшись, затихала на некоторое время. А когда сон подкрадывался к Севке и Альке, и они предавались Морфею, мышка выходила из укрытия и начинала свою ночную вкусную жизнь. Только под утро, измучавшись от всяких неприятных звуков, которые издавало одно маленькое неуловимое чудовище, мама с сыном засыпали.

Как-то раз Севка забежал в дом после школы, бросил портфель, и решил помочь маме разжечь печку. Не все у него сразу получилось, но когда огонь заплясал, поедая страницы с трудами теперь уже Ленина, и дрова, которые в этот раз были каблуки, потому что, по случаю, мама купила в «Горобуви», что поблизости от их дома, целую машину деревянных колодок под сабо, Севка поплелся делать уроки. Поднял портфель с пола и вдруг увидел, что под ним лежала убитая мышка. Видимо, когда он швырнул его, то случайно попал в нее. Как же он ненавидел это серое громкое чудовище по ночам, когда хотелось спать. А теперь, он медленно присел возле мышки, погладил ее пальчиком, и слезы, как горох посыпались из глаз мальчугана.

В школе самым тяжелым было ждать маму с работы. Она всегда забирала Севку последним, когда уже уходила учительница и оставляла мальчика на попечение школьного сторожа. Сторож дремал у себя в каморке. В школе был полумрак, горело всего пару лампочек. Севка садился на подоконник возле раздевалки и смотрел в серую промозглую бездну, выглядывавая знакомые очертания маминой фигуры, бегущей за сыном. Огромные часы громко тикали своим маятником и каждые тридцать минут били «бом-бом». В тишине это звучало очень грустно. Так повторялось изо дня в день, изо дня в день. Но однажды...

Однажды мамы не было уже очень долго. Севка сильно переживал за нее. «Мамочка, мамочка приди, приди скорее...», – тихо шептал себе под нос мальчик, как будто это могло ему помочь. За окном шел большими тихими хлопьями снег, медленно снежинки падали на уже внушительные сугробы. «Может быть, не ходят трамваи? Может быть, у мамы дела? Она скоро придет, скоро придет». Севке очень хотелось плакать, ему было страшно, одиноко, холодно, а еще, хотелось есть и спать. Но мамы не было. Когда часы в холле показали десять вечера, перед Севкой возник сторож.

– Ну что, малец, забыли про тебя?

– Нет, мама скоро придет, – дрожащим голосом прошептал Севка.

– Ну, это понятно, что придет. Но мне надо школу уже закрывать, ты далеко живешь? Может уже сам бы добрался?

– Мама мне не велела самому ходить.

– Ну, малец, все равно не могу. Давай помогу тебе одеться, а пока суд да дело, и мамаша твоя пропавшая найдется.

– Мама не пропала, просто у нее дела, – то ли себе, то ли сторожу шепотом пробормотал Севка.

– Конечно, конечно, не пропала, это я пошутил.

Севка медленно оделся, ботиночки завязал не с первого раза. Никак у него не получался бантик из шнурка. Надел шапку, варежки и таща за собой портфель и сменку по полу, медленно побрел на выход, ожидая, что сейчас дверь распахнется и мама появится на пороге.

Мама не появилась.

– А ну, стой, малец, – сторож опустил уши у шапки Севки, замотал мальчика шарфом, и ободряюще постучав по плечу, сказал:

– Ты прости меня, инструкция..., не могу тебя больше в школе держать. Но мама твоя сейчас придет.

Выйдя на улицу, у Севки захватило дух одновременно от страха и красоты. От страха, потому что на улице было темно. Но зато снежная стихия его потрясла. Белая-белая улица... Это очень красиво... На крыльце школы не было видно ступенек и дорожки. Севка попытался на ощупь спуститься и упал в снег, скатился на попе с лестницы прямо в сугроб. Снег попал в рукава, в ботиночки, стало неприятно и холодно. Кое-как отряхнувшись, взяв портфель, сменку, Севка медленно потащился к воротам и единственному в округе горящему фонарю, оставляя за собой дорожку из растрепанного снега. На свету снежинки искрились и переливались, в лучах уличного фонаря это было сказочное зрелище. Но мальчишке было не до красоты. Ему было страшно. На улице ни души, только снег. Впереди ночь. Мама... Хоть бы с ней ничего не случилось, хоть бы...

А в это время... Алька в ресторане наслаждалась жизнью... Она была счастлива. Новый кавалер был галантен, сорил деньгами и комплиментами. Она громко смеялась, его шутки были остроумны. Ни один танец не был пропущен. Алька летала от счастья на седьмом небе... Кавалер строил планы на ночь.

– Аленька, сладенькая моя, может быть продолжим вечер у тебя дома? Может быть, ты пригласишь меня на чашечку кофе? А я...я захвачу бутылочку твоего любимого сладенького как ты шампанского...

– Ко мне? – вдруг как будто молния поразила ее. Она вскочила бежать. Затем села, опять вскочила...

– Мне надо срочно уехать, срочно!!!

– Аленька, куда ты хочешь сбежать от меня? А как же чашечка кофе?

– Вызови такси, срочно вызови такси!!!

– О, сладенькая моя, мне нравится твое предложение, чем быстрее уедем к тебе...

– Да, не ко мне! У меня сын в школе!

– Ты что-то путаешь, Аленький, уже половина двенадцатого ночи. Школы закрыты... – он попытался обнять Альку.

Но она, скинув руку его с плеча, схватив сумку, бросилась в гардероб...

...Подъехав к школе на каком-то «газике», Алька спрыгнула в снег и побежала по сугробам, расстегивая на ходу пальто... Ей было жарко... Где... Где искать сына? Как вдруг, заметила под фонарем маленький сугробик, который стоял и не шевелился. Подбежав к нему, она услышала тихий голосок:

– Мамочка! Ты живая!!!

Алька плюхнулась в снег на колени, отряхивая сына от снега, заглянула ему в замерзшее личико, по которому текли слезы.

«Сугробик» обнял маму крепко за шею, и не хотел отпускать, приговаривая «Мамочка, ты живая...»

Глава 11

Утром, придя в школу, Поля как-то отстраненно и задумчиво стояла с девчонками, которые смеялись, что-то рассказывали, хвастались. Неожиданно перед ними вырос Севка. Он добродушно улыбался.

– Привет! – бархатным голосом, глядя только на Полю, тихо произнес он.

Поля засмущалась. Он не ожидала такого поворота. Подруги замерли, глядя то на Севку, то на Полю.

– Привет, – тихо ответила Поля и шарахнулась от него, чтобы куда-нибудь спрятаться. Но все, кто был возле школы, повернулись, и стали тихо перешептываться. Конечно, в этот день для всех это была новость номер один. Полякова и Лищенко влюбились! Ну, насчет Лищенко, может быть. Но Поля – то в него не была влюблена. И чувствовала себя не в своей тарелке. Но в голове почему-то стучало «стерпится – слюбится».

Они начали встречаться, общаться. На всех переменах Севка ждал Полю возле кабинета, где у нее только что был урок. Часто он приносил ей стихи. Оказывается, он писал стихи. Некоторые Поля не понимала, но где-то на чувственном уровне ей они очень нравились. Его взгляд... Поля его не выдерживала. Она смущалась. Севка смотрел на нее с такой любовью, что ей казалось, что это очень личное все заметят. И все замечали. Она немного стеснялась, потому что не привыкла, что бы так к ней кто-то относился. Ей было это очень странно. И еще неловко, от того, что не могла ответить тем же Севке. Она копалась в себе, когда оставалась наедине с собой, искала, чем можно зацепиться. Ей очень хотелось ответить Севке взаимностью. Она чувствовала, что он действительно любит ее, по-настоящему. Нет, он не признавался ей в любви, и не говорил об этом. Но это и не нужно. Все и так было понятно.

И от того, что Поля не может ему ответить такой же взаимностью, она злилась сама на себя. Иногда были дни, когда ей совсем не хотелось с ним встречаться. Не хотелось, чтобы он ждал ее после урока. Не хотелось, чтобы приходил домой за ней, чтобы пойти погулять. Не хотелось, чтобы он приносил каждый день букеты цветов. Иногда ей казалось все это перебором. Она раздваивалась, понимая, что не может врать, не может прикидываться влюбленной. И в то же время, ей, конечно, было приятно это внимание. Иногда она себя вела очень странно, удивляясь самой себе.

Как-то у Поли на губе выскочила простуда, и она очень стеснялась, что увидит Севка. Он, как всегда, ждал ее у окна в холле школы. А Поля, выйдя из кабинета, сделала вид, что его не видит и прошла мимо, ускоряя шаг, чтобы только Севка не заметил, как у нее разнесло губу. Может быть, это был просто предлог. Потому что, иногда, ее тяготили эти отношения. На следующей перемене, она не торопилась выходить из класса. Наташка, ее подруга, сказала, что он опять ее ждет. Поля подошла к столу учителя и сделала вид, что слушает, как математичка ругала ее одноклассника. И вдруг над ухом услышала:

– Привет...

Не поворачивая головы, сквозь зубы произнесла в ответ:

– Привет.

Севка ничего не понимая, смущаясь, тихо спросил:

– У тебя все нормально?

Поля от страха, что ее увидит сейчас с раздутой губой, стала злиться и резко ответила, опустив голову:

– У меня все нормально...

Вокруг толкались и толпились одноклассники, кто-то случайно подтолкнул Полю, и она упала прямо в объятия Севки. Опуская еще ниже голову, она быстро отстранилась от него.

– У меня в субботу день рождения. Приходи.

– Нет.

– Почему?

– Не почему. Не могу.

Севка попытался заглянуть ей в лицо, она решительно отвернулась.

– Я болею. Не приду.

– До субботы поправишься, может?

– Сказала «нет!!!» Не ясно?

Севка постоял несколько секунд, прозвенел звонок, и он, выйдя из класса, медленно побрел к себе на урок.

– Ну и дура ты! – прошептала Наташка Баршина. – Еще и злая, как собака.

– Отвали, сказала, – громко прошипела ей в ответ Поля, и слезы покатались по ее щекам.

Он не знала, что с ней происходит. И сама себе была противна.

После этого они помирились, через неделю. Это было легко. Нужно только перестать игнорировать Севку. Достаточно лишь посмотреть на него приветливо и ласково, и улыбнуться. И все. На следующей перемене он ждал ее. За неделю Поле стало его не хватать. И, наверное, соскучилась. Но ненадолго.

Как-то у нее сломалась молния в сапоге, а Севка как всегда пришел цветами к ней и позвал гулять. Поля даже не впустила его в квартиру. Просто сказала, что разошлась молния в сапоге, гулять не пойдет. Да и чувствует себя плохо. А ведь она и чувствовала себя плохо всегда, когда врала. Но ничего с собой поделывать не могла. И как будто наблюдала за своей натурой со стороны. И ее начинало тошнить от самой себя, от своей лжи, от того, что так обращалась с Севкой. Он ушел. Ушел очень грустный. Она в окно наблюдала за ним сквозь занавеску. Он вышел из подъезда и, остановившись, посмотрел на ее окна. Так обреченно и задумчиво, что Поля залилась краской от стыда. Казалось, что он ее видел, как она за ним наблюдает. Но, конечно, это только казалось.

Через минут десять к ней зашла Ирка Ветелина и позвала гулять по бульвару. И Поля, недолго думая, зашила молнию на сапоге прямо на себе, быстренько оделась, накрутила и без всякого зазрения совести выскочила с Иркой на улицу. Не успели выйти на бульвар, весело щебеча о своем, о девичьем, как вдруг... Навстречу шла компания одноклассников. Среди них был и Севка. Он остановился, увидев Полю. Посмотрел на ее сапоги. Потом на нее. Поля готова была провалиться сквозь землю. Ее вранье, шитое белыми нитками, было раскрыто.

...Севка не понимал, что происходит. Иногда Поля была очень приветливой и веселой. Иногда... Иногда она его сторонилась. Он догадывался, что что-то не так. Ему очень ее не хватало. Это был тот человек, которого он любил по-настоящему и сильно. Не было минуты, чтобы Севка не думал о ней. Но он часто не понимал Полю. Он видел, что она злится, но не знал за что. Внутренний голос говорил ему «она тебя не любит», но влюбленный по уши не хотел этого слышать и знать. Случай со сломанной молнией на сапоге, как будто, отрезвил его. И Севка сказал сам себе, что у этих отношений нет будущего. Но просто так оставить все он не мог. Он решил, что последний раз подарит ей букет цветов. К тому же скоро восьмое марта.

Позвонив ей в дверь, Поля выглянула, и, не впуская его к себе домой, сразу же сказала:

– Сегодня не могу. Занята.

Она была очень нарядная и невероятно красивая, видимо куда-то собиралась. Севка молча смотрел на нее, как будто хотел запомнить надолго. Поля нервничала и торопилась.

Он протянул ей букет, последний раз глянул на ту, которую любил больше жизни, и начал спускаться по лестнице, твердо решив, что отношения, если их можно было так назвать, закончились. Хотя, скорее, даже не начинались.

Поля была довольна, что по-быстрому избавилась на сегодня от Севки. Хотя совесть ее мучила. Но Поля ей приказал заткнуться. У нее вечер с девчонками запланирован по-другому. На дискотеку. Может, какой-то более достойный вариант перепадет?

Она еще и не подозревала, что Севка попрощался с ней навсегда.

Глава 12

Прошло уже несколько дней, как Севка решил, что прекратить отношения с Полей, самое правильное, что можно сделать в данной ситуации. Решить-то решил, и умом все понимал, но что-то внутри с этим смириться никак не могло. Все время ерзала печаль по сердцу, и горькой тяжестью повисла в его душе. Все стало вокруг как черно-белая фотография. Особенно сложно было видеть Полю. Куда деться, учиться они продолжали в той же школе, каждый в своем классе. Так же «вэшки» приходил на урок вслед за «бэшками», так же неизменно они встречались в коридорах. Только Севка старался не обращать внимание на веселую и счастливую Полю. Она, правда, как будто стала счастливее от всего происходящего. Всегда, как только они встречались, она улыбалась, но только не ему, смеялась, но только не с ним. В школу ходил потому что «надо». Учиться совсем не хотелось, да и наступившие праздничные дни международного женского дня настроение Севке вообще испортили. Совсем по-другому он их планировал провести.

Дома все тоже складывалось печально. Алька постоянно скандалила со своим таксистом. Он, конечно, был ходок, и старался при случае гульнуть налево. А Алька стремилась его поймать. Вечерами, днями и даже ночами происходили жуткие скандалы. Несколько раз Алька ночью на такси приезжала к матери, будила ее, заставляла сесть в машину и они вместе объезжали все рестораны ночного города. Рина должна была, пока Алька ждала ее в машине, зайти в ресторан, и обнаружить горе-зятя. Если не находила, Альку это не успокаивало, и они мчали в другой ресторан, в другое значное место. Если таксист ехал на рыбалку, а у него была своя моторная лодка, то Алька, замаскировавшись в кустах, поджидала на лодочной станции, когда милый муженек причалит. И когда из лодки, радостно вереща и смеясь, выскакивали молодые девчонки, то из кустов, с громким не всегда цензурным криком, прихватив дома что-то потяжелее, или на крайний случай, скалку, выскакивала Алька с перекошенным лицом и кидалась на испугавшихся молоденьких гулен, которые бросались врассыпную, жутко визжа от страха. На таксиста кинуться она не решалась, потому что он был покрепче ее, да и уже пару раз приложился в ответ. Алька это помнила и поэтому устраивала публичный скандал. А здесь ей не было равных. И чем дальше они так жили, тем чаще таксист исчезал из дома.

Севка жил сначала с ними как в аду, но потом Рина Саввична забрала внука к себе. Хоть и ездить в школу далековато, но зато... Зато у бабушки дома Севке отвели отдельную комнату. Ну, не отдельную, а проходную, да и комната это громко сказано. В ней поместилась кровать, журнальный столик и стул. Но это было пространство Севки. Дома у бабушки, самое главное, тихо. За исключением, когда дед ругался с бабой. Когда они ругались, крыша поднималась над домом. Дед был неродной, грубый мужик из деревни, не имеющий своих детей, не умеющий быть ласковым, но это был единственный мужчина, который хоть и скуп, но любил Севку. Пусть даже со стороны этого не было видно. И самое главное, это был единственный человек, который воспитывал Севку по-мужски. Если что-то дома надо было мастерить, копать, носить или другая мужская тяжелая работа, Севка был с дедом. Он и научился держать молоток, работать пилой, класть кирпичи.

Это был третий муж у Рины. Леонид никогда не был женат, у него не было детей, был слегка контужен на войне, слегка глуховат на левое ухо, слегка слеповат на левый глаз, и главное, скуповат. Да и как муж жене, он никакого удовольствия не доставлял. Но Рина Саввична рассудила так. Детей нет, зарабатывает неплохо, значит, денежки никуда утекать не будут, все в дом. Транжирить он не будет, ибо жаден, значит, остается женская мудрость и смекалка, как эти денежки из него выманить и дочкам, Гальке с Алькой пристроить. Так они и жили. Она зарабатывала, налево пуская товар с молзавода, и денежки складывала себе. Он, работал

на фабрике мороженого, в холодильном цеху грузчиком, оклад был приличный. И тоже тянул, что плохо лежит. Долго ли, коротко ли, насобирали они так на домик. Домик был мал, из глиняного кирпича, но три маленьких комнаты, отдельный двор, без соседей, вода во дворе, и, главное, маленький подвальчик в кухне. Рай, после скитаний по квартирам да по хаткам.

Сложили Рина Саввична и Леонид Федорович свои капиталы и купили этот глиняный терем на двоих. Наняли рабочих, чтобы дом утеплить, обложить кирпичом. Кирпич купили ворованный, по дешевке, благо рядом два кирпичных завода.

Вообще район, где они купили дом, был просто благодатный. Рядом были птицефабрика, мясокомбинат, сырзавод, парфюмерная фабрика, уже известных два кирпичных завода и тюрьма. Местное население работало на этих предприятиях, и каждый, кто, что смог вынести с родного объекта, тот тем и торговал. Деньги левые, шальные. Пьянство, затем и наркомания, в этом районе процветала. Между соседями шел либо товарный обмен, либо товаров на деньги. К тому времени, Рина вышла на пенсию, и устроилась уборщицей на хлебозавод, в кондитерский цех. Там был подряд, поодиночке не воровали, а сразу бригадой. Не докладывали, не доवेशивали в печенье и торты то, что нужно было им дома. В конце смены бригадирша распределяла улов. Чего Рина только не несла домой. Мука, масло растительное, масло сливочное, кондитерский жир, коньяк для пропитки, хлеб, пирожные и тортики, орехи и еще много чего, что было распределено на членов бригады. Рина сшила себе поддубник, с большими карманами, в которых все умещалось. Да и под платьем, которое было больше на пару размеров, на проходной ничего не замечали. Ну, а не замечали, потому что предусмотрительная и щедрая бригадирша делилась и с охраной. В то время было так во всей стране.

Прелюбопытно становилось, когда заканчивалась рабочая смена на мясокомбинате. Из проходной, как улитки, выползали, люди с маленькими головками, и с большими телами, медленно и тяжело шагая домой. Они шили себе одежду на несколько размеров больше, под одежду шили в человеческий рост чехлы с карманами, в которых можно было вынести колбасу, сосиски и мясо трех сортов. Поэтому фигуры их были комичны. Все всё знали. Но все равно делали вид одни, что не воруют, другие, что не видят. А вечером начинался торг. Если в магазине суповой набор, а это одни кости стоил девяносто копеек, а мясо днем с огнем не отыскать, а цена говядины с косточкой была рубль сорок пять. То у соседки, которая только с комбината притащила и свинину, и говядину, и язык, печень и всякую всячину, килограмм мяса без костей стоил рубль пятьдесят. Да к ней вечером очередь была. До утра она все распродавала.

Так и Рина свой товар тоже сбывала, денежки Альке и Гальке. Альке больше. Она ж младшенькая. Да муж дурак. Денег не дает, на шалопутных девок тратит. А Галька и так при муже, хоть уже и при третьем.

Так что Рина Саввична домик с дедом купили, кирпичом обложили, сад насадили.

Подарила Рина внуку в девятом классе кассетный магнитофон. Еще усилитель, колонки, гитару купила. Севка музыку очень любил слушать, и все какую-то заграничную, рок какой-то. Вот бабуля любимого внука хотела порадовать. Потому что Севка такой был добрый, смысленный, спокойный мальчик. Оденет наушники и слушает, мечтательным взглядом куда-то в окно смотрит. А она его вкусно накормит и рада, что самое дорогое, рядом с ней. Только бы его никто не обидел и не расстроил. Все готова для него сделать. Но он скромный был. Денег просил редко, даже когда влюбился в какую-то одноклассницу. Светился, прям весь. Стеснялся денег просить, а если и попросит то немного. Но Рина понимала, что внук скромничает, стесняется, и сама ему трёшечную положит. Он засмущается, а она ему, ничего, мол, тебе надо. Он счастливый, за букетом и к ней, к однокласснице.

Но последнее время, что-то часто смурной приходит, что-то не ладится у него с той девчонкой-то. Была Рина в школе, показали ей эту девочку. Ничего такого особенного. И что Севка в ней нашел. Но раз нравится она ему, то пусть, лишь бы он не расстраивался. Остальное Рина все ему купит, что только внучок не пожелает.

Глава 13

Поля слегка обиделась, что Севка прекратил обращать на нее внимание, перестал приходить к ней, звать погулять по пустынным вечерним улицам. Ее это сильно задевало. Вот так, без объяснения, без прощания. Хотя... Может быть цветы... Может быть эти цветы на восьмое марта... Нет... Если бы он хотел ее бросить, то цветы б не дарил. Бросить... Словечко такое мерзкое. И не бросить... Может, это она его вообще-то бросила... Хотя странно все, очень странно.

Когда Поля с Севкой неожиданно встречались в школе, у Поли сердце начинало так громко биться, что могли услышать подружки... Да и, впрочем, если неслучайно встречались тоже. Она всегда знала, что сейчас после их урока, будет урок в Севкином классе, и обязательно они встретятся. Так и было всегда. Поля только мельком кидала взгляд на Севку изда-лека. Она видела, что он смотрит на нее и провожает взглядом. Но ни одной эмоции на лице у него не было. Хотя нет. Если присмотреться, то в глазах стояла жуткая тоска. Но Поля только мельком. И потом она начинала наигранно смеяться, улыбаться, что-то громко рассказывая подругам веселое, они в ответ смеялись. Вот так ему и надо. Пусть видит, что ей все равно... Все равно... Все... Поля не замечала, как ей хотелось поговорить с Севкой, пойти погулять, как после наигранного смеха и веселья, у нее сильно портилось настроение. Ей ничего не хоте-лось... Только узнать о нем, хоть кусочек какой-то информации.

Подружки из его класса сказали, что его бабушка приходила в школу. Даже на уроках сидела. Потому что он перестал учиться. Просто ходил в школу и обратно как оловянный сол-датик, без желания, без настроения, просто потому что надо. У Поли бродили мысли в голове, может быть это из-за нее? Но почему же, почему тогда он не общается с ней.

...Севка сидел на первом этаже школы, на том самом подоконнике, на котором ждал дол-гими вечерами в продленке маму. Опершись на «дипломат», из коричневого кождама, а таких в школе еще ни у кого не было, и смотрел задумчиво в окно. Он ждал друга своего закадыч-ного, с первого класса, Серегу. Где тот запропастился? Хотя домой Севке не хотелось. Но мать сказала зайти сегодня к ней, помочь с дровами.

Серега шел в компании нескольких девчонок из 7 В, глаза у него игриво сверкали, он постоянно что-то говорил, а девчонки смеялись. Увидев Севку, они остановились и начали бурно обсуждать какую-то тему, поглядывая на Севку. Ему было все равно. Немного пошушу-кавшись, Серега направился к другу.

– Ну, что, ты сегодня к матери или к бабушке?

– К матери надо, отчим от нее опять ушел, просила помочь с дровами.

– Ничего себе, они разошлись?

– Да. Сто пятый раз... Ладно, неважно, ты идешь? Я тебя ждал.

– Слушай, Сев, тут такое дело... – замялся Серега, поглядывая на кучку девчонок, с кото-рыми он только что шел.

– Ну...

И Серега, стараясь не шевелить губами, сквозь зубы начал Севке тихо вещать:

– Посмотри, вон там стоит компания... Девчонки из 7 В. Посмотри, посмотри, вон, сзади меня...

– Ну...

– Так вот... Они нас зовут на дискотеку... в классе. Ну, в смысле, весь их класс и мы... Нас как старшеклассников приглашают...

Севка молчал. Ему ничего не хотелось.

– Блин, Сев, не кидай, давай сходим, там такие девочки... Особенно одна, погляди на ее размер... – и Серега глазами показал на грудь Лизки. Она, конечно, славилась в школе своими формами, далеко не семиклассницы, и каждый второй мечтал ее закадрить.

– Кстати, там на тебя одна запала. Все уши мне прожужжала.

Севка по не по-доброму глянул на друга.

– Ну, ты ж свободен теперь..., то есть, пока... ну, это, в смысле сейчас... Полякова ж тютю.

– Замолкни...

– Понял... Не дурак... Вот так несильно светись, нечаянно глянь, там такая блондиночка, она с тобой хочет познакомиться. А чё такого?

Севке уже надоел этот разговор, ему неприятно было стоять тут как на витрине, мельком глянув на девчонок, даже не вникая, какая там блондинка, какая не блондинка.... Лишь бы закончить эту болтовню согласился:

– Ладно, давай... Пойдем к ним на дискотеку, мне все равно. Только ни с кем знакомиться я там не буду. Понял?

– Понял, понял... – Серега засуетился, начал надевать куртку, и чтоб Севка не видел, показал девчонкам большой палец, что мол, все нормально. Уговорил. Будем.

...В субботу, Серега за Севкой заехал, несмотря на то, что друг жил очень далеко от школы, у бабушки. Уж больно ему хотелось Лизку охмурить, хоть потанцевать с ней медленный танец. Серега все время представлял, как они танцуют под романтическую мелодию, и Лизка прижимается своими «мячами» к нему. Ух... У него аж дух захватывало... Нет. Лизка хорошая девчонка. И прижиматься будет не специально, а потому что объемы... Их же куда не деть, а медленный танец... Что там говорить медленный это медленный. Серега предвкушал, Севка нехотя оделся. Он уже и забыл, что обещал прийти на этот праздник местного значения.

...Вечер уже был в разгаре, когда рядом с Севкой, села девушка.

– Привет...

Севка медленно повернул голову и лениво ответил:

– Ну, привет...

– Меня Катя зовут...

Севка отвернулся. Катя сидела в нерешительности, покусывая нижнюю губу. Какой-то этот Лищенко нелюдимый. Серега увидел, что Катя начала действовать, подговорил поставить медленный танец Лизку, которую не отпускал, держал за талию, или даже где-то выше... Он как-то не понимал, где талия у девчонок, и рука переползала по спине немного выше. Ну, или как будто не понимал. Если что..., то он делал невинные глаза, сильно удивлялся. Уличить его в чем-то было трудно. Ох, и хитрец он был.

С первыми аккордами медленной мелодии и под французский бархат Джо Дассена, Катя набралась смелости.

– Сева, можно пригласить тебя на танец?

Он повернул голову, посмотрел на нее, молча, встал и пошел в середину зала, Катя поспешила за ним. В душе она ликовала. Севка взял ее за талию, еле прикасаясь к ней, ощущение, что он держал в обнимку воздух. Катя сначала положила руки ему на плечи, потом обвила его за шею. Поняла, что Севка никак не реагирует на нее, и пошел танцевать, скорее всего, из вежливости. Ликование у Кати сменилось небольшим разочарованием, но она не теряла надежды. Танец закончился, Севка взял куртку, и, не поворачиваясь, никому ничего не сказав, молча вышел из класса, где гудели стекла от громкой музыки. Валерий Леонтьев неустанно и энергично пел: «Все бегут, бегут, бегут». У Севки в голове эхо повторяло «бегут, бегут, бегут, бегу, бегу, бегу...».

Утром Руликин долго возмущался, что Севка его бросил одного, что у него не хватало времени с Лизкой танцевать, потому что девчонки устроили первенство, всем хотелось заполучить девятиклассника на медленный. И Серега отдувался один за двоих. А с Лизкой потанцевал всего два раза. Поэтому, Севка просто обязан, должен, сегодня пойти в кино, Серега с Лизкой, а Севка с Катькой. Сева согласился. Ему уже было все равно с кем куда идти. Главное, Серега успокоится. В школе уроки тянулись очень долго, Севке хотелось скорее на перемену и хоть одним глазом посмотреть на Полю. Просто посмотреть. Когда он ее видел, ему было одновременно и хорошо, и очень больно. И это «больно» ему нравилось. Пусть ему будет больно.

...Поля вышла из дома, за сестрой в детский сад. Она терпеть не могла так далеко ездить. На улице пахло весной. Солнце светило ярко, на ветках уже набухли почки, хотелось расстегнуть куртку и... И мечталось о любви... Ее не было. Надо что-то делать с Севкой. Как бы с ним помириться что ли. Нет, сама она ни за что. Первая... Ну, нет, не дождется. Да и вообще, что на нем свет клином сошелся? Конечно, не сошелся. Другой найдется... Получше... Только чем получше, она не знала... Еле успокоив себя и убедив, что свет клином не сошелся, Поля зашла в трамвай, еле протиснулась к окну, и, разглядывая весну на улице, почти забыла про свои обиды.

Трамвай уже подъезжал к следующей остановке, заскрипели рельсы, люди начали продвигаться на выход, как вдруг... Поля глазам своим не поверила... На улице стоял Серега с Лизкой из 7. В, держа ее чуть повыше талии и... Севка с какой-то блондинкой из Лизкиного класса. Эта блондинка, держала Севку за руку, заглядывала ему все время в лицо... И эта четверка, что-то весело обсуждала. Из трамвая вышли пассажиры, зашли новые, кажется, еще больше, чем вышли, проходили, протискивались в салон, толкая и задевая Полю, трамвай тронулся... Поля стояла и смотрела на эту четверку, которая становилась все меньше и меньше, потом вообще скрылась из глаз. Что она чувствовала в этот момент? Внутри бушевала стихия эмоций. Ее обидели, растоптали, вытерли об нее ноги, а самое страшное... ей нашли замену... Она была уверена, что Севка любит ее, и никуда от нее не денется. Рано или поздно приползет к ней, а она... его помучает сначала хорошенько... Что бы не повадно было характер показывать. А потом помирится, так и быть. Она знала, что никогда Севка не променяет ее ни на какую другую... И вдруг это произошло. Она, оказалась заменимой. Разочарование, обида на себя, и злость на Севку... И пустота...

Глава 14

Только ленивый на следующий день не подошел к Поле и «по секрету» не сообщил, что «вчера знаешь кого видела?» или «вчера иду, смотрю, а Лищенко то с Катькой из 7 В». Столько советов посыпалось сразу на голову Поли, и что бы Катьке «перья ее повыдирать», и чтобы Севке «устроить веселую жизнь» и еще много «мудрых» планов по отмщению. Но Полю совершенно не устраивал ни один совет. Конечно, мстить она не собиралась, но в душе залегла стойкая и тяжелая обида. Не могла она поверить в то, что какая-то Катька из 7 В лучше нее, Поли! Да еще, как назло, куда она не пойдет, везде натыкалась на эту парочку. То на бульваре их встретит, то на перемене, то однажды...

У школы была традиция выручать местный драмтеатр. На такие спектакли, как Партия руководит стройкой века, какой-нибудь гидроэлектростанции, или на партсобрании разбирают за аморалку какого-то рабочего. Так и в этот раз, всех учеников школы обязали посетить премьерный драматический шедевр. И что бы уж точно все пошли, Наталья Корниловна, учитель русского языка и литературы, пообещала задать сочинение на тему «Роль партии в уборке урожая». Что там, в театре, никого из школьников не интересовало, главное выход в свет, не делать уроки, лишний раз встретиться с подругами и весело, в последнем ряду провести время.

Поля ждала Наташку Баршину на трамвайной остановке, бродила возле газетного киоска, разглядывая витрину, увлекшись канцтоварами и обложками журналов «Работница» и «Крестьянка», завернула за угол, и... лицом к лицу встретила с Севкой. Они оба растерялись. Но сразу же возникла Катька. Севка рванул вперед, мимо трамвая, прямо на красный свет. Он шел стремительным быстрым шагом, уходя все дальше и дальше от Поли. За ним семенила Катька, еле успевая, оглядываясь победным взглядом на Полякову. Поля смотрела вслед, а внутри все болело. Так ей хотелось бежать вместо Катьки. Но, она помнила, что раз Лищенко выбрал другую, значит, нет ему прощенья! Но в то же время, она все отчетливее понимала. Севка любит только ее, а не «эту» из 7 В! Она это чувствовала. И тем больше злилась на него.

Поля, Наташка Баршина, Ладка Паромова и Милка Радеева, неизменная четверка подруг, заняли самые центральные места в партере. Где-то впереди сидели «ашки», Ирка Ветелина среди них. Она что-то рассказывала очень интересное, потому с соседних рядов склонились ее одноклассники, и периодически оттуда раздавался смех. Увидев Полю, Ирка махнула ей рукой, и продолжила развлекать друзей.

Девчонки читали программку и весело обсуждали фамилии актеров. А у Поли не было настроения. Перед глазами стоял его растерянный взгляд, его быстрая уходящая походка, Севка и ...эта... из 7 В. Вдруг картинка из памяти стала реальностью. Через четыре ряда от Полиной компании, прямо, как говорится, перед глазами изумленной публики, резко приземлился Лищенко, а рядом с ним... «эта».

– Опаньки...– тихо и хором прошептали Наташка, Ладка и Милка. Они смотрели то на Полю, то на Севку.

– Это какую надо иметь наглость усесться со своей кикиморой прямо перед нашим носом!

– Поля, Поля, смотри, они за ручки держатся, ну надо же у них как далеко зашло!

– Поля! А тебя он за ручку что-то не держал!

– Поля! Смотри, она ему головку на плечо! Тьфу, смотреть противно!

– Гля, гля, ручка ее у него на колене, а он ее за ручку!

– Во, сволочи, и сели специально перед нами!

– Девочки, прошу вас, тише! Они услышат!

– Поля, да ни то, что тише, мы им вообще сейчас такое сделаем...

– Поля! Глянь-ка, он нас увидел! Глянь, аж белый стал!

Глава 15

Лето Поля не любила. Папа уезжал на практику со студентами на все три месяца. Подруги разъезжались кто на базу отдыха, кто в пионерский лагерь, кто к бабушке в деревню.

У Поли бабушки не было. Да и дедушки уже тоже. Его не стало еще осенью. Мама с папой его звали жить к ним, но он не хотел покидать свой дом. Свою бабу... Он частенько приходил с ней поговорить на кладбище. Садился у ее креста и рассказывал про Полю, про то, как ему без нее, без бабы плохо, про то, что глаза уже не те и руки тоже, про то, что зима была злющая, и про огород, который без женских рук зачах. Мама Поли навещала его. Из южного города в Сибирь, но это было так далеко... У мамы болела душа за отца, который уперся и ни в какую не хотел никуда ехать. Оно и понятно, большая часть его жизни прошла здесь.

Осенью мама поехала в родные края, как раз тогда Поля и начала встречаться с Севкой.

Когда мама вышла из поезда, пока с чемоданами разобралась, перрон опустел. Никто ее не встречал. Должен был брат двоюродный, но что-то его не было. Один какой-то седой старичок с бородой шел медленно по перрону, шаркая ногами. Мама Поли смотрела на него и что-то такое знакомое промелькнуло...

– Папа!

– Дочь! Аленушка!

Сильно сдал отец. Очень сильно. Сердце ее сжалось...

Мама была с отцом две недели, но дома ждали ее дети и муж, и надо было возвращаться.

Состарившийся отец стоял под окном вагона и, не мигая смотрел на дочку, хотел насмотреться, запомнить каждый мигновение с ней. Когда поезд тронулся, он за ним не пошел... Не было сил... Трое суток в поезде Полина мама все вспоминала и вспоминала каждую минуту, проведенную с отцом, этот взгляд, когда поезд тронулся. Свидятся ли еще?

А дома ждали две абсолютно разные дочки и муж. Они соскучились. Папа Поли купил букет цветов, встречал ее на вокзале. А мама... Мама привезла Поле магнитофон! Кассетный! Такой красивый, коричневый, название на нем – «Электроника». Поля была на седьмом небе от счастья! Вот это подарок! Теперь она сможет прямо с телевизора записывать музыку.

Она быстро накормила сестру и уложила спать. А сама тихо-тихо включила магнитофон, легла рядом с ним на диван, чтоб лучше слышать музыку и... заснула под мягкие убаюкивания Юрия Антонова. Разбудил ее звонок. Потом грубый стук в дверь... Она подскочила спросонья, не поймет который час, какой день недели, где родители... Подбежав к двери, распахнула ее. Перед ней стоял незнакомый мужчина. Он немного настороженно спросил:

– Поляковы здесь проживают?

– Да, – сонным голосом ответила Поля.

– Взрослые дома есть?

– Нет. В кино ушли.

– В кино? Ладно, распишись за телеграмму.

Поля быстро черкнула карандашом какую-то закорючку, а почтальон смотрел на нее с сочувствием...

Отдав телеграмму, он быстро побежал вниз по лестнице. Поля начала, приходит в себя, но то ли от того что резко встала, то ли от предчувствия чего-то нехорошего подошла к торшеру, открыла телеграмму, прочитала... И потеряв сознание, упала.

Через какое-то время пришла в себя. В голове стучало три слова. Деда больше нет.

Лето Поля не любила. Гулять было не с кем. Папа уехал. У мамы со здоровьем не очень... Изредка кто-то из подруг заезжал домой между сменами в лагерь, поменять вещи и опять

на отдых. У подруг родители работали на крупном заводе, где для рабочих не было проблем получить путевку в пионерский лагерь, или на базу отдыха, на Черном море. А у Поли мама была медсестрой и из года в год ходила с заявлениями в местком поликлиники, в которой всю свою жизнь проработала, что бы дали дочке путевку в лагерь. И только после седьмого класса, правдами и неправдами, и подарками главной месткомше, наконец, удалось для Поли выбить путевку. В Геленджик, в пионерский лагерь.

Уезжала Поля с тяжелым сердцем. Как ей хотелось в пионерский лагерь раньше! И как ей не хотелось оставлять одну маму и сестру. Маме часто бывало плохо, и Поля старалась помочь ей во всем. Однажды, мама упала в обморок поздно вечером, ох, Поля и ее сестра испугались тогда.

Поэтому, собравшись в лагерь, Поля не находила себе места от беспокойства, но маме виду не показывала, что бы только мамочка не волновалась. В лагере ей нравилось. Но все были чужие. А еще, всем приходили письма. А Поле нет. С каждым днем, Поля становилась чернее тучи, у нее в голове рисовались разные страшные картины. То мама в больнице, а сестра в детском доме. То мама без сознания, а сестра потерялась. Наконец, измучив себя самыми страшными картинками, и после очередной почты, в которой письма были всем, а ей, как всегда, ничего, Поля пошла на рискованный поступок. Потихоньку выйдя из домика во время тихого часа, побежала в медпункт, потому что только там был телефон.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, девочка! У тебя что? Болит что-то?

– Пожалуйста, разрешите мне позвонить маме! – и вдруг как заплачет, в голос. Ревела от всей души. Все, что накопилось в ней за эти черноморские дни в пионерском лагере, полилось рекой, нет, даже водопадом, наружу.

– Моя мама сильно болеет, у меня сестра... маленькая... Мне... писем нет... Всем есть... А мне нет... Я пишу, пишу, а она... а они... Пожалуйста, тетенька, миленькая, пожалуйста, можно я маме позвоню?!

Врач испуганно схватила телефон и протянула девочке трубку.

– Звони, звони скорее.

Всхлипывая, Поля набрала мамин рабочий номер, и в трубке послышались гудки... Сердце Поли бешено забилося.

«Мамочка, мамочка... возьми трубку, пожалуйста!» – взмолилась Поля.

– Поликлиника. Я вас слушаю.

– Мама! Ты живая!

– Поля? Поленька? Дочка, что случилось?

Поля ревела в трубку от счастья, ее мама ничего не могла понять и кричала в трубку:

– Поля! Что случилось! Ты заболела? Тебя обидели?

– Живая! – ревела Поля, и приговаривала, – я тебе пишу, пишу, а ты не отвечаешь! Я думала, что с тобой что-то случилось!

– Полюшка, доченька, я тоже пишу, на каждое письмо отвечаю, и сразу отправляю!

– А я ничего не получаю, – ревела Поля...

Врач, наблюдая эту картину, прослезилась тоже, подошла к Поле, взяла у нее трубку и успокоила маму. А потом... потом и Полю... На следующий день, почтальон принес Поле целую пачку писем от мамы. Одно от папы. И даже одно от сестры. Какие-то каляки-маляки. Поля была счастлива! Это просто почта была виновата!

Поля лежала на диване и смотрела в потолок. Читать не хотелось. Смотреть телевизор не хотелось. Есть... хотелось. Но уже поздно... Интересно, а Севка где? С Катькой наверно...

Звонок в дверь...

– Полька! Мы на море едем с папой. У нас лишняя путевка, поедешь с нами?

– Ух ты, здорово! Надо у мамы спросить...

На море было весело. Папа Наташкин спал или где-то пил. А потом его вообще вызвали на работу. И Наташка с Полей последние три дня были сами на море без взрослых. Компания у них была веселая. Четыре девочки. Четыре мальчика. Поле достался «Мелкий». Над ним все шутили «Давай не видеть мелкого в зеркальном отражении», особенно когда эту песню включали на дискотеке. Мелкий не обижался. Что делать, если он мелкий. В смысле низкого роста. Поля обувала шлепки и то казалась выше его. Поле он не нравился. Но это была месть Севке. Пусть узнает, что она тоже может жить весело и счастливо. Что свет клином на нем не сошелся. Пусть этот Севка не думает, что Поля останется одна и будет страдать. Но, положив руку на сердце, Мелкий не только ей не нравился. Он ей был неприятен, и еще Поле, казалось, что они смотрятся как слон и моська. Слон Поля. Моська – Мелкий. Когда долгими вечерами на море, а потом уже и в городе, Поля гуляла с новым ухажером, то разговаривали они только о Севке. Вернее говорила Поля. Мелкий молча слушал. А Поля рассказывала о Севке... Только о нем... Где он этот дурацкий Севка??? Что он сейчас делает?

А Севка... Расставшись с Катькой пошел работать... Надо было матери помочь. Да и самому нужны были деньги. И они с Серегой пошли работать на швейную фабрику. Швейными-мотористами... Шили рубашки мужские... Да и делать надо было что-то, чтобы Полю забыть... Но ...Не получалось... Рубашки получались.... Забыть Полю ...нет...

Десятый класс начался бурно. С первого сентября учителя начали рассказывать о том, что впереди экзамены. Кому-то поступление в институт. Кому-то взрослая рабочая жизнь.

Поля все время на линейке старалась высмотреть Севку. Катька к нему не подходила. Он не подходил к ней. Сердце Поли трепетало от радости. Неужели?

Наконец-то хоть одно радостное событие, в школе повесили объявление, что в субботу «Осенний бал».

Настроение было боевое. Решили с девчонками на «Осеннем балу» не пропускать ни один танец. Натанцеваться до стертых ног. Навеселиться в последний школьный год. Участвовать во всех конкурсах. А Поля мечтала увидеть Севку... Хотя, если признаться себе, не знала для чего. Заело ее, что Катька была в его жизни. Была. Уже донесла разведка, что, не встречаются! А теперь, на дискотеке, пусть осознает, кого потерял! Только бы от Мелкого на вечер как-то отделаться.

После лета все соскучились по школьным вечерам, все сошлись в едином танцевальном настроении, и топот и грохот музыки все заводил и заводил десятые, девятые, и восьмые классы. Поля чувствовала себя королевой! Выпросила у мамы платье шоколадного цвета, всю ночь промучилась, накрутив волосы на бигуди. Сделала себе воинствующий начес, в подъезде, по-тихому накрашила губы маминой помадой, и кинула ее в почтовый ящик.

Вечер был потрясающий! С одной стороны за ней следила Катька и компания, которые перешли в восьмой и их стали пускать на школьные вечера. С другой стороны она очень надеялась, что следит за ней Севка. А она... Она счастливая и независимая... И пусть они все это видят!!!

Растанцевавшись, Поля наступила кому-то на ногу и весело повернулась извиниться... Перед ней стоял Севка... Он как-то виновато улыбался... И Поля поняла, что оттоптала ногу именно ему... Что-то во взгляде Севки было такое щемящее... Что все настроение Поли моментально улетучилось, она резко отвернулась от него. Попыталась танцевать, но танец как-то не пошел...

Глава 16

Осенний бал грохотал на всю округу. Бывает, что вечер не задался. В этот раз было все наоборот. Все старшеклассники слились в едином музыкально танцевальном экстазе, выплеснув всё в актовом зале школы с потом, кровавыми мозолями, прилипшими прическами, потекшей косметикой, в упоении и восторге хором подпевая: «Поверь в мечту, поверь в мечту, поверь в мечту скорей, поверь в мечту, поверь в мечту, как в доброту людей...», сорвав уже и без того охрипшие голоса. Не до танцев было только двоим. Севка сидел в кресле, задумчиво смотрел на отрывающуюся от пола и взлетающую в ритм музыки под потолок толпу. Поля... Поля металась... Она то пристраивалась в какой-то танцевальный круг, то выскакивала из него, и найти себе места не могла. Перед глазами стоял Севкин взгляд, наполненный нежностью, радостью и тоской одновременно. Ну не последняя же Поля стерва... Не могла она выбросить из головы его... Пританцовывая, Радеева подбежала к Поле:

– Ну че, Поля, не танцуется? А хочешь, я сейчас белый танец попрошу? Пойдешь и пригласишь Лищенко, а то на тебе лица нет.

– Кто? Я? Пригласить?. Ты что!!! Да не за что на свете!!! Он меня променял на какую-то пигалицу... А я ...Ты что! Ну, ты даешь, Радеева, в жизни не будет этого!!!

И Радеева недолго думая, как будто в танце, как бы нечаянно, толкнула Полю в сторону Лищенко, и Поля резко приземлилась в кресло, аккуратно рядом с ним. Севка повернул голову и удивился! Поля? Села рядом с ним?

Как же глупо себя почувствовала Поля, а Радееву готова была огреть, чем потяжелее, но подруга стояла невдалеке, пританцовывая, подавая знаки поддержки. То подмигивала ободряюще, то подсказывала что-то, но ее, слава богу, не было слышно. Да и хорошо б, если б не было и видно.

Растерявшись, Поля решила, что что-то надо сказать, потому что пауза затянулась, и стало неловко. И больше ничего не придумала, как сказать:

– Привет.

– Привет, – Севка настороженно ответил.

– Чего не здороваешься?

– Я поздоровался...

Поля несла какую-то чушь, злясь на Радееву и на свою глупость...

– Нуууу, я имею в виду в школе... Как будто мы с тобой в одном классе не учимся.

– А мы и не учимся с тобой теперь в одном классе...

Поля сморозила очередную глупость. Ну как же... Она переволновалась. Совершенно в ее планы не входило нарушать обет молчания с Лищенко, и тут такой поворот. Хотя в душе она была очень рада, что так получилось, и Радееву готова была не только убить, но и расцеловать за толчок к судьбе. Вот такие вот девушки бывают противоречивые...

– Так вот! – дерзким голосом продолжила Поля, – не забывай здороваться в школе! Понял?

– Понял, – заулыбался Севка...

Осенний бал окончен, все уставшие и удовлетворенные, медленно расходились по домам. Севки не было нигде видно. Но Поля его знала как облупленного... Сто процентов, сейчас он ее будет поджидать... Или возле школы. Или возле дома. Но как-то было ей страшновато. Нет, конечно, она Севку не боялась, но слишком резкий скачок в отношениях. Ей надо было все осмыслить, привыкнуть к тому, что они помирились... А самое главное, опять появилось чувство, как раньше... Она одновременно и хотела быть с Севкой и ее что-то мучило, что-то в этой истории тяготило, и она не могла понять – что!?

– Девочки! А пойдёте по бульвару погуляем немножко! Мне никак домой сейчас нельзя!

– Почему?

– Да Лищенко....

– Думаешь, будет ждать?

– Почти уверена.

– Ну и что?

– Не готова я... Ну, пока ... Не могу я ему простить эту...

Глава 17

Поля была права. Она уже чувствовала Севку на каком-то высшем уровне... Он, действительно, ждал. Нервничал, ходил вокруг дома, смотрел на ее окна... Он очень хотел ее увидеть, но что скажет ей он не знал... Но жить без нее уже было выше его сил...

Из окон пятиэтажки доносились звуки работающего телевизора, голос Николая Озерова кричал: «Удар! Еще удар!!! Голл!!!». И крики подвыпивших болельщиков: «Ураааа! Голл!!!».

Севка вспомнил, как в детстве, когда еще Алька не встретила своего таксиста, в его веселом коммунальном дворе сосед Кандилевский, который жил в самом конце, выносил на улицу телевизор. И это был момент наивысшего примирения и паузы в соседских войнах, спорах и драках... Собирались у телевизора все, и шумные дагестанцы с детьми, и веселенький и вечно пьяненький сосед Мишка, и тетя Валька всегда одинокая и пьяная, проводник Володька, у которого Алька снимала комнату для Севки, и Алька, успевающая и здесь состроить глазки бесконечным родственникам из Махачкалы. Все становились родными, и это было необычно, трепетно и удивительно... Потому что только говорящий ящик мог собрать за один стол непримиримых врагов, огромную толпу детей, которые до этого катались на самокатах, играли в прятки, в войнушку, в этикетки... Вся соседская братия от мала до велика садились вокруг телевизора и с наслаждением смотрели футбол, или фильм с Чарли Чаплином. Веселый громкий смех раскатывался далеко за пределы этого одного из островков советского бытия, и вечером не хотелось расходиться по домам. Но наутро жизнь входила в свою колею, и чьи-то разборки становились продолжением длинного сериала, которому не было названия. Часто Севка с пацанами собирались в укромном дальнем уголке и резались в этикетки от жвачек, менялись марками, иногда игры заканчивались фингалом под глазом. Так, однажды, Колька, который был старше Севки на три года, решил перед малолетками показать, кто во дворе главный, и прицепился к Севке. Просто так, на пустом месте. Севка вернулся расстроенный домой. Алька сыну объяснила, что взамен того, чтобы страдать сидеть дома и обижаться, надо пойти и по-мужски разобраться с обидчиком. Так Севка и сделал. Вернулся туда, где Колька чувствовал уже себя героем и вломил обидчику в глаз. Надо сказать, после этого у Севки с Колькой завязалась крепкая мужская дружба.

Когда родная тетка Зина, которая жила в соседнем доме, умерла, и остался ее муж Гришка один, Севка с пацанами не давали ему скучать. Иногда они делали дымовуху из старой куклы неваляшки или из теннисного шарика, которая жутким вонючим черным дымом обволакивала все пространство вокруг. И кидали дядьке Гришке в форточку. Пьяный Григорий в семейных трусах в цветочек выскакивал в ужасе из дома, не понимая, что происходит, а дети с веселыми криками рассыпались как горох в разные стороны. А он нёсся по улице в трусах, теряя тапочки, пытаясь догнать ребятню.

Севка всегда помнил страшный длинный коридор тетки Зины, в котором стоял огромный сундук. Как же хотелось мальчугану заглянуть не только в коридор, но и в сундук. И это произошло, когда Зина померла. Григорий вытащил реликвию на улицу, и это было очень интересное зрелище. Вся крышка сундука и его стенки были обклеены старыми деньгами – денкинскими, екатерининскими, керенскими. Оторвать от стенок их было невозможно. Сколько времени мальчишки провели, пытаясь заполучить эти деньги, но ничего так у них и не получилось, приклеены магические бумажки были намертво.

Конечно, Севке навсегда запомнились и мамыны ухагеры, которые сменяли один другого. Алька одержимо искала женское счастье. Был у нее боксер, гонщик, капитан, автослесарь

и, видимо еще другие... Севка не успевал ни к кому привязаться, но впечатления для мальчишки были бесконечны.

У гонщика, например, был Жигуль первой модели с форсированным двигателем, на котором он и участвовал в нелегальных гонках. Да и по городу медленно ездить не мог. Однажды, Севка, Алька и гонщик неслись, периодически отрываясь от земли, по городу в гости. Вдруг на дорогу неспешно вышел пьяный человек. Он пребывал в невесомости и в очень хорошем настроении, и, увидев летящую на него машину, решил с ней поиграть. Гонщику было не до смеха, пытаясь объехать чудика, крутанул руль влево, и чудик влево, то ли приплясывая, то ли его колени не выдерживали принятый на грудь градус. Гонщик – руль вправо, чудик вправо, медленно и радостно, раскрыв объятия и мило улыбаясь, встречал, несущуюся на него смерть. Попытки объехать чудика закончились глухим ударом и страшной паузой. Чудик исчез из поля зрения. Даже маленькому Севке стало понятно, что произошло что-то ужасное. Алька с белым от страха гонщиком вылезли из Жигуля и, обойдя его, увидели душераздирающую картину. Пьяный чудик лежал на земле и не шевелился. Медленно, с трясущимися руками, Алька наклонилась к пострадавшему пощупать пульс. Как труп вдруг зашевелился, зашлепал своими губами что-то на пьяном языке, медленно сел, улыбнулся, извинился, встал сначала на четвереньки, затем, колыхаясь, взгромоздился на нижние конечности, отряхнулся, и пошел... Пошел, периодически оглядываясь, не догонят ли его, и не надают ли ему вслед тумачков. Шок от ужаса и страха сменился диким истеричным хохотом. Всю дорогу в гости гонщик и Алька смеялись до слез, до икоты, каждый раз пережевывая эту аварию. Севка до конца понять ничего не мог, сначала ему было очень страшно, а потом... Потом ничего не понятно, кроме того, что чудик остался жив, действительно, каким-то чудом.

В гостях было очень весело. Взрослые пили, смеялись, танцевали, пели, орали, шумели, вспоминали чудика, пили за его здоровье и за свое везение. Севка с другом тоже развлекались, как могли. Они смотрели через кинокамеру фильм «Самогонщики» задом наперед и тоже хохотали до слез. Каждый проводил время как мог... Только Алька была сама по себе... Ее сын сам по себе... Как-то вроде вместе, но все-таки врозь...

С боксером Севка и Алька ходили на бокс, в цирк. Бои тогда проходили там, и Севка сидел практически на арене, то есть на бордюре. Это было даже лучше, чем в первом ряду. Он помнил, как все зрители в цирке вскакивали и кричали при каждом победном бое. Кричала и Алька, громко, азартно, вскакивая и тряся кулаками. Севка смотрел на нее и повторял все за ней. За мамой. Потому что это его мама. Самая-самая. И если она так делала, значит, так и надо было делать всем.

Был у Альки еще военный, капитан. Но Севка особенно про него ничего и не запомнил. Помнил, что приходил капитан, Алька накрывала ему в комнате. Он ел, курил... Севка научился разбираться в званиях, и это все впечатления от капитана.

Еще у Альки был Павлик. Он работал автослесарем, где-то на окраине, или даже за городом. Рядом с его мастерской находилась кондитерская фабрика и, бывало, что расплачивались с Павликом шоколадом. Прямо в коробку для конфет был залит ровным слоем шоколад. И это был восторг советского детства. Не каждому такое удавалось не то что попробовать, а даже увидеть. Павлик бывал частенько у них в гостях, потому что жил он с женой и сыном на соседнем квартале. Как-то Севка гулял с пацанами, и его к себе пригласил Санек в гости. Мама Санька приветливо встретила Севку и начала расспрашивать в каком классе учится Сева, какие у него отметки, кто его родители. И когда Севка рассказал, что живет он неподалеку, перейти только через дорогу, там, в общем дворе, и маму зовут Алькой, лицо мамы Санька медленно стало меняться сначала в сторону удивления, а потом... Потом оказалось, что это жена и сын Павлика, который частенько оставался с ночевкой у Альки, и даже купил бобинный магнитофон и оставил его у Альки, домой не понес. Вот такое вот знакомство.

Во дворе, через забор, жили напротив друг друга милиционер Кудинов с семьей в квартире номер один, а в квартире номер два Инка-спекулянтка, которая под носом Кудинова продавала вещи иностранного производства, духи, косметику, где часто Алька и отоваривалась. Такой парадокс советского общества. Соседи есть соседи.

Кудинов тоже своим сальным взглядом посматривал всегда на Альку, а может и не только посматривал. Но однажды, когда Севка пришел к Кудиновым, чтобы спросить, пойдет ли кудиновский сын с ним гулять, то в ответ было сказано, чтобы больше он к ним не приходил, и Мишке запретили с ним дружить. Вот это было Севке очень обидно и непонятно. Что он такого сделал Кудиновым, что Мишке нельзя с ним дружить? Алька возмутилась, когда узнала это, и сказала Севке, что тоже запрещает ему дружить с Мишкой. Но дети тайком встречались, играли в прятки, дружили, пока взрослые растили свои взаимные обиды.

Глава 18

Поля шла по бульвару с девчонками, которые дружно обсуждали вечер, музыку, мальчишек, смеялись, а Поля помалкивала. Она вспоминала, как наступила Севке на ногу, как неожиданно оказалась рядом с ним в кресле, как он смотрел на нее. Как он говорил, и его взгляд... Разве может мальчишка так смотреть на девчонку? Говорят девчонки, что любви нет. А сами мечтают о чем-то необыкновенном. А вот оно самое необыкновенное. Он смотрит так, что сердце останавливается, что не хочется расставаться, что хочется просто сидеть и смотреть, и молчать. Просто рядом, и неважно, что вокруг, может быть град, ливень, землетрясение? Когда он так смотрит, вокруг ничего нет... Только он. Только она... Ну почему же спрашивается, она сбежала с девчонками на бульвар? Почему не пошла домой, зная, что он будет ее там ждать? Почему, почему, почему? Не могла она ответить на этот вопрос, но ясно поняла, что гулять по бульвару ей больше не хочется. Что-то она опять сделала не так... Что-то не так. И что же ее всю внутри корезит, она не понимала.

Возвращалась домой Поля, не спеша, темной улицей, всматриваясь в каждую тень, прислушиваясь к каждому шороху. И чем ближе к дому, тем больше нарастало волнение, вдруг сейчас выйдет навстречу Севка... Нет, сейчас... Может сейчас она его увидит? Но Севки не было нигде. Оставалось пройти несколько шагов до подъезда, а его нет? Неужели Поля ошиблась в нем? Как же этот его взгляд, наполненный тоской и любовью? Не может быть, чтобы она ошиблась. Ведь не только взгляд был. Был ток, разряд молнии...

– Поля!

Поля встрепенулась от неожиданности, услышав голос подружки из соседской пятиэтажки.

– А, это ты, привет!

– И где это мы ходим так поздно, дискотека в школе уже давно закончилась...

– А что? Тебе какое дело?

– Мне-то никакого... А вот тут тень одного молодого человека круги нарезала вокруг твоего дома... Так не дождался и ушел...

Внутри у Поли все заликовало, она даже хотела рассмеяться, но сдержав себя, ответила:

– Вот и отлично, что не дождался. Так и было задумано.

– Довертись хвостом своим, какая-нибудь Катька опять уведет.

Вдруг Поля уверено ей ответила:

– Не уведет...

И внутри выросла необыкновенная уверенность, что теперь его никакая «катька» не уведет.

Радостно и спокойно Поля зашагала к своему подъезду. Она знала, что уж завтра Севка точно нарисует у нее дома. Тогда она с ним и поговорит обо всем, и обо всех, особенно про разных там «катек».

«Стоп. Завтра ж Мелкий обещал прийти. Что же делать? Что же делать?» Поля судорожно пыталась придумать, как быть. Ничего не придумывалось, но одно было точно ясно, что завтра придут оба. Поднимаясь по лестнице, она приняла твердое решение, что пойдет завтра гулять с тем, кто придет первым. Если Мелкий, то это будет месь Лищенко за причиненные ей страдания, когда Катька правила балом, а если придет Севка..., то и думать нечего, что там будет с Мелким. Хотя как-то неудобно может получиться. Мелкий придет, а Поли уже дома нет. Ну и отлично, может он обидится и больше не придет. На самом деле ей было немного стыдно перед Мелким... Немного... И в душе она постоянно повторяла, что хоть бы Севка пришел первым.

Весь следующий день Поля нервничала, и чем ближе был вечер, тем сильнее. Кто придет первый? Прямо соревнование какое-то. Самое главное, чтобы не пришли вместе. Вот это будет... казус. Наконец, раздался звонок в дверь, до шести вечера еще оставалось полчаса, значит... Значит надо посмотреть скорее кто пришел. Поля открыла дверь. Стоял Севка, он улыбался немного виновато, но больше радостно. Как будто вчера с ним расстались. Как родной даже. Странно, но Поля даже не думала, что так ему обрадуется. Оставалось быстренько собраться, и сбежать... Очень не хочется попасть в неудобное положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.